

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 20

Из журнала „Земля“ №№ 1 и 2

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск № 20

Из журнала «Земля» №№ 1 и 2

ПОСЕВ 1975

Выходит 4 раза в год

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1975
Frankfurt/ Main
Printed in Germany**

ЗЕМЛЯ

№ 1

1 августа 1974 года

Редактор — Осипов Владимир Николаевич
Владимирская обл., ст. Рождество
Пом. редактора — Родионов Вячеслав Семенович
г. Александров, Владимир. обл.,
1-ая Полевая ул., д. 2.

К ЗЕМЛЕ!

Вопреки злой воле преследователей национальное самосознание русских не удалось истребить полностью. Сегодня оно заявляет о себе открыто и полногласно. Появление легальной независимой печати — тому свидетельство. Завоеван плацдарм, который необходимо удержать без компромиссов и двоедушия, волею людей, любовно и жертвенно преданных возрождению Отечества. Лучше остаться малым числом в духовной крепости, чем поступиться правдою слова и дела. С этим убеждением мы начинаем теперь издание нового патриотического журнала. Накопленный опыт и его осмысление побуждают нас особо подчеркнуть следующее:

1. Национализм немислим в отрыве от христианства. Любая форма языческого либо атеистического национализма есть бесовщина. Для русских такой «национализм» — новая бездна и окончательная гибель. Люди без милосердия, великодушия и любви к Богу и человеку — не русские.

2. Главная задача русского национализма на сегодняшний день — возрождение народной нравственности и национальной культуры.

3. Отсутствие гласности и конституционных гарантий прав человека препятствует реализации национальных задач.

Нашей путеводной линией, как и прежде, остается линия славянофилов и Достоевского. Свои непосредственные усилия мы сосредоточиваем на разработке русской национальной идеологии. Предъявляя серьезные претензии к современной цивилизации, мы ратуем не только за возвращение к родной земле, но и к земле-кормилице. Без возрождения социальной и

нравственной силы крестьянства немислимо спасение русской нации. Оговаривая лояльность к существующему строю, поддержку государства перед лицом внешней угрозы, мы оставляем за собой право звать к земле. Времена изменчивы, власти быстротечны, но народ вечен, как и правда его. Ни одно доброе семя, брошенное в эту землю, не пропадет.

Редакция журнала «Земля»:

*В. Н. Осипов,
В. С. Родионов.*

К ПОЛОЖЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Письма И. Р. Шафаревича

1

*Открытое письмо
архиепископу Волоколамскому Питириму*

Ваше Высокопреосвященство!

Как многие из тех, кому не безразлична судьба православной веры в нашей стране, я с болью и страхом наблюдаю загадочные события, развертывающиеся вокруг о. Дмитрия Дудко. Думая об этом, я вспомнил наш с Вами разговор, состоявшийся по Вашему приглашению, когда Вы упомянули об о. Дмитрии, как о Вашем однокурснике, о том, что и до сих пор Вы целуетесь с ним при встречах... И я подумал, что может быть и по этой причине Вы не сочтете возможным остаться в стороне от этих событий. Вопрос же, я глубоко уверен, предельно серьезен, затрагивает самые корни нашей духовной жизни.

Вам, конечно, известно, что в последние месяцы о. Дмитрий вел в храме Святителя Николая после богослужения беседы, в которых отвечал на вопросы присутствовавших о вере и христианских нормах жизни. Известно Вам, несомненно, и о том, что очередная беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха, а потом о. Дмитрий был переведен из Никольского храма, что заставило его уйти в заштат. Вряд ли кто-либо усомнится в связи этих действий с беседами о. Дмитрия, хотя ему и не было высказано по этому поводу никаких суждений.

Я видел на беседах о. Дмитрия тесную толпу, не вмещающуюся в храм, людей разных возрастов, национальностей, разного достатка. По многочисленным отзывам своих друзей я знаю о громадном воздействии этих бесед. Для многих они открывали путь в новый, светлый и до того совершенно неизвестный мир. По вопросам, которые задавали о. Дмитрию, ясно видно, сколь насущно необходимы были его беседы, как мало известны самые основные положения христианской веры, к которой сейчас так тянутся люди — да и откуда их узнать?

Я совершенно уверен, что о. Дмитрий нигде не переступил границу, которой он ограничил темы своих бесед: вопросы христианской веры и христианской жизни (записи его бесед существуют и, если бы Вы захотели, были бы Вам доставлены). В своих апологетических высказываниях он, конечно, несравненно мягче и тактичнее отзывался об атеизме, чем атеисты — о вере, хотя бы в тех учебниках, по которым обязаны учиться наши дети. В любой другой стране (кроме, может быть, Албании и Китая) то, что он говорил, могло бы показаться излишне сдержанным. В другой, но, конечно, не нашей, где атеизм столь справедливо называет себя воинствующим. Хотя о. Дмитрий ничем не нарушил ни законов, ни многочисленных инструкций, он понимал, что его путь — это путь жертвы. Для него не был бы неожиданностью вызов в прокуратуру... Но удар пал с другой стороны — с той, от которой он мог бы ожидать поддержки, хотя бы моральной. Подумайте, какая это боль и какой соблазн для его прихожан, для слушателей его бесед и для всех, знающих его самоотверженную жизнь!

Ваше Высокопреосвященство! Когда мы беседовали с Вами, мне показалось, что Вы согласились с тем, что наша грандиозная страна безрелигиозной долго

оставаться не может, что такое болезненное состояние не может быть продолжительным, но что будущая духовная жизнь народа зависит от того, из каких рук, какую веру он получит. Во всяком случае, Вы против такой мысли не возражали. Но ведь именно такие ситуации, как сложившаяся с о. Дмитрием, вселяют страшный соблазн в сердца! Тех, кто ищет Бога, они могут оттолкнуть от Православной Церкви, верующих — подвигнуть на церковное разделение, смуту, новый раскол.

Еще сейчас не поздно многое исправить. Прихожане о. Дмитрия, посетители его бесед, делают все зависящее от них, чтобы не дать совершиться столь прискорбной несправедливости. Ваше мнение, мнение одного из высших иерархов Православной Церкви, могло бы иметь решающее значение. Я хочу надеяться, что Вы его с должной определенностью выскажете.

С сердечными пожеланиями

Ваш

И. Р. Шафаревич

2

*Открытое письмо архиепископу Брюссельскому
и Бельгийскому Василию*

Ваше Высокопреосвященство!

Вероятно, до Вас дошли слухи о судьбе священника храма Святителя Николая в Москве о. Дмитрия Дудко. Последние месяцы о. Дмитрий после богослужений проводил беседы, в которых отвечал на задаваемые присутствовавшими вопросы о христианской вере и

христианском понимании жизни. Плотная толпа, не вмещавшаяся в храм, стечение людей разных возрастов, наций, сословий и разного достатка — все показывало, какой насущной потребности удовлетворили эти беседы.

В начале мая беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха. Потом он был вызван в Патриархию и уведомлен о переводе из храма, в котором служил. Никаких суждений о беседах о. Дмитрия высказано не было, но вряд ли можно было понять эти действия иначе, как их осуждение. Так понял их и о. Дмитрий и ушел в заштат.

Эти события дают яркую картину нынешнего трагического положения Православной Церкви. Сейчас в нашей стране не расстреливают священников. Вместо того сложилась темная и двусмысленная ситуация, когда проповедь веры, попытка борьбы за души подавляется, по крайней мере внешне, руками самой церковной иерархии. Епископы, защищающие церкви и священников своей епархии, увольняются; священники, настаивающие на соблюдении законов о религии или пытающиеся защитить сознание своих прихожан от пропаганды атеизма, запрещаются и увольняются. И непрерывным течением из своих приходов перемещаются священники, которые завоевывают любовь прихожан искренней проповедью и высокими душевными качествами.

Такое положение особенно страшно для Православной Церкви сейчас, когда люди так тянутся к вере. Этот порыв не остановить, конечно, никакими силами. Но такие ситуации, как сложившаяся сейчас с о. Дмитрием, могут оттолкнуть ищущих Бога от Православной Церкви, породить мысли о церковном разделении, привести к новому расколу.

Я прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, использовать Ваш авторитет архиепископа Русской Право-

славной Церкви, чтобы не дать совершиться несправедливости, которая могла бы иметь столь пагубные последствия.

С глубоким уважением

Ваш

И. Р. Шафаревич

ГОГОЛЬ

Коснусь ли нимба твоего —
Или рукой неосторожной
Наткнусь на дремлющие рожна
И на хранящих воевод
В светелке ведьмы, где Солоха
Сидит и ждет переполоха?

Как, впрочем, и тогда ждала —
В Сорочинцах и близ Диканьки...
Но колдовала не она,
А добродушнейшие няньки,
Рассказчицы и баловницы,
Сбегавшие на вечерницы —

По вечерам, по вечерам...
Чтоб в полночь юркнуть на полаты —
И долго копошиться там,
Не разбудить бы лишь дитяти,
Сбежавшего давным-давно
Через то же самое окно.

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо, звезды блещут...
А сердце юное трепещет.
А сердцу юному невмочь
Ни побороть, ни превозмочь
Высокого очарованья,
Ведь Родина — ему названье.

И часто слышались во сне
Ему потом и не стихали
Те дни и ночи... и стихами

Вновь прорывались — все ясней
И тоньше; словно в лик иконный
Преображался зов исконный.

Зов Родины — и дух, и плоть.
Не побороть, не отделиться,
Духовно перевоплотиться
Призвал смиренного Господь,
Нелицемерного — для славы
Вовек немеркнущей Державы.

Красуйся, град Петров, и стой!..
О чем шептали эти строки?
Какие тайные уроки
Ему на невской мостовой
Преподавали, малороссу,
Из уст российского колосса?

О, как он пел, любимец жен!
Какими легкими руками
Дробил и резал белый камень!
Да будет Город заложен
На зло надменным!.. А соседа
Обнял с радушьем домоседа.

Он пленник, он уже ведом —
Но не игрою слов случайной,
А сокровеннейшею тайной,
Идущее из дома в дом,
От человека к человеку,
По следу вашего пера
Во град Апостола Петра.

И где еще, в какой земле
Так дружно шли и так служили —
И так высоко возложили —

Сердца на Жертвенник, во мгле
Отступничества и порока?
То Божий глас, то глас пророка!

И он, от края той земли
Пришедший, был того же чина.
И та же в нем первопричина —
Нелицемерный дух любви
(И ревностный!) к отчизне горней.
Молотобоец и кузнец
Встал у пылающего горна.

И как ковал! Как раздувал огонь!
Не воздухом — казалось, взрывом смеха
Трещит, наполненная, оболочка меха!
И ни один подкованный им конь
На той горе (все медленней — все выше)
Из борозды подорванной не вышел.
Вздымался молот, падал мех,
Ладонь чернела и грубела,
А печь была такой же белой.
И стали волосы как снег,
И все одежды побелели —
Как будто сам прошел через огонь
И выкупался в огненной купели.

А что ж Солоха? Все ждала —
Да свитки ветхие латала!
И только изредка летала —
На опаленном помеле
В Сорочинцы; и в том селе,
Где он родился, колдовала...
Что ж, он в глазах ее — вассал,
Московский раб и перебежчик.
Но я Солохе не объездчик.
А Гоголь славно описал!

И, нечто тайное поведав,
Он ясно выразился: «Ведьма».
А ведем — тьма
.....

Потьма, лагерь 3, 1971

РЕСТАВРАЦИЯ ИЛИ ДИСКРИМИНАЦИЯ?

О том, что фрески Успенского собора в городе Владимире необходимо реставрировать, говорят давно. Но если раньше инициатива проведения реставрационных работ исходила от церковных кругов и, как и любая инициатива верующих, встречала активное противодействие гражданских чиновников, то теперь вопрос подняли эти самые чиновники. Это, конечно, странно. Ведь хамское отношение местных начальников-самодуров к зданиям, принадлежащим верующим, общеизвестно. В той же Владимирской епархии, в древнем Суздале, есть так называемый Казанский собор, единственная действующая церковь. Этот сарай того и гляди рухнет, но никому до этого дела нет, никого это не интересует. А тут вдруг буквально накануне Пасхи, 13 апреля 1974 года, областная газета «Призыв» выступила со статьей «Сохраним на века уникальный памятник». Автор статьи В. Маслов, деятель областного совета Общества охраны исторических памятников (заметим кстати, учреждение, существующее полностью на церковные деньги), напоминает, что в соборе есть фрески Андрея Рублева и Даниила Черного, а это наша гордость, ее надо беречь, а потому необходимы ремонтно-восстановительные работы, а для этого надо освободить храм от проводимых в нем служб. Короче говоря, собор предложили закрыть. Это известие сильно обеспокоило прихожан. Возникло опасение, что закрыв храм, местные власти затянут реставрационные работы, а потом и совсем откажутся вернуть его православной общине. К тому же реставрацию можно проводить и не прекращая богослужений, одно другому не мешает. В Киеве, в Троицком соборе (Троицко-Сергиева лавра, где тоже есть фрески

Андрея Рублева) во второй половине 50-х гг. так и делали, а во Владимире это облегчается еще и наличием трех престолов. Исходя из этих соображений, церковная двадцатка категорически отказалась санкционировать закрытие храма, но против реставрационных работ никто не возражал. Да и можно ли было возражать? Кому, как не верующим, лучше всех известны нужды родного прихода. Но так уж повелось у нас, что люди, в жизни своей не переступившие порог храма, решают, какие работы разрешить, а какие запретить, а тех, на чьи деньги эти работы проводятся, никто не спрашивает. О строптивости верующих доложили в Москву. И во Владимир срочно прибыл Фуров, заместитель председателя Совета по делам религий. В сопровождении владимирского уполномоченного А. И. Макарова Фуров посетил собор, где их встретила взбудораженная толпа — люди плакали, кричали, падали ниц перед святыми мощами, становились на колени перед Фуровым и Макаровым. Под напором толпы они скрылись в Георгиевском приделе, а потом, крадучись, выбрались на улицу. Фуров посоветовал, не закрывая собора, приступить к реставрационным работам. Это, по-видимому, не устраивает местных руководителей. Двадцатку поодиночке подвергли дополнительной обработке, вызвали в милицию и предупредили, чтобы не хулиганили. А не добившись нужного результата, подключили к делу архиепископа Владимирского и Суздальского Николая. 9 июня Владыка с амвона произнес проповедь и зачитал указ (?!) о закрытии Успенского собора, сообщил и о том, что Патриарх пожертвовал на реставрацию 400 000 рублей. Уже во время этого выступления прерывались иронические реплики слушателей — и можно было понять, что верующие отлично разбираются в обстановке и знают, что к предполагаемым работам архиепископ Николай не имеет никакого отношения.

Об этом ему напомнили и на собрании двадцатки 14 июня: «Воля Ваша, Владыко, но лучше бы Вам служить да батюшками командовать, чем с суетливыми этими делами связываться — и не по принуждению, а по доброй воле Вы передали их нам, мирянам, еще в 1961 году, так не грешно и напомнить!» Останется это собрание в памяти и многих местных руководителей. На анекдотическое обвинение секретаря горсовета: «Верующие весь храм закоптили!» члены двадцатки ответили тем строгим словом, которое, казалось бы, давно перевелось на Русской земле:

«Святотатство в России стало обычным явлением... Сколько разорено у нас храмов и монастырей после 17-го года!.. Если бы не православный народ, то и Успенский собор постигла бы участь храма Покрова на Нерли!.. Мы не забыли того, как хулиганствующие комсомольцы скребками соскребали настенную живопись в храме Покрова!.. А что было в Успенском соборе, когда его передали верующим? Глыбы льда, горы мусора, в одном из приделов веяли веялкой не то лен, не то коноплю...»

Общее собрание религиозной общины Успенского собора г. Владимира 14 июня 1974 года, категорически отвергнув предложение закрыть собор, решило немедленно начать реставрационные работы при открытом соборе и под наблюдением церковных активистов. Пока трудно сказать, чем все это кончится. Верующие полны решимости защищать свои права и мы верим, что Господь дарует им силу. Но позволительно спросить владимирских радетелей: какими силами вы будете проводить реставрационные работы, да еще в храме, полностью освобожденном от богослужений?

Силы Владимирской реставрационной мастерской ничтожны, москвичи отказались — у них своих дел по горло. Кто будет работать, если сейчас, допустим, немедленно закроют храм? Не то что в два года (пред-

полагаемый срок временного закрытия собора), а и в двадцать два, с той организацией, с теми порядками, какие навел во Владимирской мастерской главный архитектор А. И. Столетов, с затеянной работой не справиться.

И еще деталь. Уж слишком неприглядную роль во всей этой истории играет архиепископ Николай, зачитывающий с амвона ничего не стоящие указы, которые дезориентируют прихожан. Конечно, недавно к своей резиденции (Владимир, Вишневая, 26) он сделал солидный пристрой (и это в то время, когда епархия в долгу, как в шелку), и в этом пристрое, кроме зимнего сада, будет размещена и домовая церковь. Может, Владыка надеется, что она заменит ему древний Успенский собор? Кто его знает. Но верующие Владимира не хотят мириться с угрозой потерять святыню. Да благословит их Господь Бог на благое дело.

Р. С. По последним сведениям, издевательство над владимирскими верующими, над владимирскими святынями продолжается. 3 июля распоясавшиеся местные самодуры потребовали закрытия мошей Благоверного князя Глеба Владимирского, которые покоятся в Успенском соборе и были открыты, так как в этот день, 3 июля, был его праздник. Служил Владыка Николай. Затем было предложено освободить собор от службы и сдать спецкомиссии те 400 000 рублей, что пожертвовал Святейший Патриарх Пимен. На требование церковного совета предоставить смету была показана бумажка, где в первую очередь предполагалось, по ходу работ, построить котельную и вымостить белым камнем площадь вокруг собора. (В соборе есть газовая котельная, площадь вымощена серым камнем.) О реставрации фресок Андрея Рублева и Даниила Черного даже и не упоминалось. И эта «смета» была рассчитана на 500 000 рублей (!). И теперь кое-

кто занят поисками недостающей сотни тысяч рублей, а кое-кого (детей членов двадцатки и самих членов) вызывают по месту работы, к начальству, ну, а там разговор короткий: «Трудиться или молиться». Похоже на то, что старое начинается сызнова.

КОЛИЧЕСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ
В ЕПАРХИАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

На 1.1.1974 года — 67 епархий Русской Православной Церкви, не считая заграничных.

- Алма-Атинская — г. Алма-Ата — 1 храм.
Архангельская — г. Архангельск — 3 храма.
Астраханская — г. Астрахань — 3.
Виленско-Литовская — г. Вильнюс — 7.
Винницкая — г. Винница — 1.
Владимирская — г. Владимир — 2.
Вологодская — г. Вологда — 2.
Волынская — г. Луцк — 1.
Воронежская — г. Воронеж — 3.
Горьковская — г. Горький — 3.
Днепропетровская — г. Днепропетровск — 3.
Житомирская — г. Житомир — 1.
Ивановская — г. Иваново — 1.
Ивано-Франковская — г. Ивано-Франковск — 1.
Ижевская — г. Ижевск — 2.
Иркутская — г. Иркутск — 2.
Казанская — г. Казань — (нет сведений).
Калининская — г. Калинин — 1.
Калужская — г. Калуга — 2.
Киевская — г. Киев — 9.
Кировоградская — г. Кировоград — 1.
Кировская — г. Киров — 1.
Кишиневская — г. Кишинев — 4.
Костромская — г. Кострома — 5.
Краснодарская — г. Краснодар — 1.
Куйбышевская — г. Куйбышев — 2.
Курская — г. Курск — 5.

Ленинградская — г. Ленинград — 12.
Луганская — г. Луганск — 1.
Львовская — г. Львов — 11.
Минская — г. Минск — 2.
Московская — г. Москва — 26.
Мукачевская — г. Мукачево — 2.
Новгородская — г. Новгород — 1.
Новосибирская — г. Новосибирск — (нет сведений).
Одесская — г. Одесса — 3.
Олонецкая — г. Петрозаводск — 2.
Омская — г. Омск — 2.
Оренбургская — г. Оренбург — 1.
Орловская — г. Орел — 2.
Пензенская — г. Пенза — 2.
Пермская — г. Пермь — 2.
Полтавская — г. Полтава — 2.
Псковская — г. Псков — 2.
Рижская — г. Рига — 6.
Ростовская — г. Ростов — 2.
Рязанская — г. Рязань — 2.
Саратовская — г. Саратов — 2.
Свердловская — г. Свердловск — 1.
Симферопольская — г. Симферополь — 2.
Смоленская — г. Смоленск — 2.
Ставропольская — г. Ставрополь — (нет сведений).
Сумская — г. Сумы — 4.
Таллинская — г. Таллин — 6.
Тамбовская — г. Тамбов — 1.
Ташкентская — г. Ташкент — 3.
Тульская — г. Тула — 4.
Ульяновская — г. Ульяновск — 3.
Уфимская — г. Уфа — 3.
Хабаровская — г. Хабаровск — 2.
Харьковская — г. Харьков — 6.
Хмельницкая — г. Хмельницкий — 2.
Чебоксарская — г. Чебоксары — 1.

- Челябинская — г. Челябинск — 2.
Черниговская — г. Чернигов — 1.
Черновицкая — г. Черновицы — 4.
Ярославская — г. Ярославль — 3.

КАК ОБНАРУЖИЛСЯ ЗАКОН

До недавнего времени каждый политзаключенный, содержащийся на строгом лагерном режиме, твердо знал, что если его лишили личного свидания или очередной посылки, он может, хотя и не твердо, надеяться на получение того и другого не ранее, чем через 12 месяцев. Когда в мае этого года на 35-м лагпункте, что в Пермской области, был незаконно лишен свидания с женой и ребенком вновь прибывший зэк-украинец¹, сомнений не было: надолго. Свыше 20 заключенных, в их числе Буковский, Павленков, Балахонов, Бутман, Светличный, объявили голодовку. Она длилась с 12 мая по 12 июня 1974 года. Ни чусовской (районный), ни пермский прокуроры не вняли справедливым требованиям заключенных. 27 мая «выдернули» для устрашения прочих голодающих Буковского и этапировали во Владимирскую тюрьму.

Дело дошло, наконец, и до Прокуратуры РСФСР — и как же разрешилось? Представитель центральной прокуратуры² мягко разъяснил голодающим, что «игра не стоит свеч», что никто не может лишить заключенного ни свидания, ни посылки более, чем на один месяц! «Таков закон?» — «Да, таков закон». Но какое же беззаконие в лице начальника ИТК Пименова, районной и областной прокуратур! И за что двадцать с лишком человек уплатили высокую цену? Не за то ли, чтобы закон был обнаружен — вопреки невежеству и произволу руководящих пермских самодуров? Уплатили, да не сполна — взимают с Буковского. Много взыщут за три года голодной Владимирки!

¹ Евгений Пронюк. — Ред.

² Прокурор Рытов. — Ред.

ЗЕМЛЯ

№ 2

25 ноября 1974 года

Редактор — Осипов Владимир Николаевич
Владимирская обл., ст. Рождество
Пом. редактора — Родионов Вячеслав Семенович
г. Александров, Владимир. обл.,
1-ая Полевая ул., д. 2.

ПРЕД БОГОМ ЗЕМЛИ...

(Отк. Иоанна, 11:4)

Земля оскудела: реки — рыбой, горы — лесом, хлебом — поля. И хотя повсеместно привлекают у нас к суду и взимают штрафы за потраву и браконьерство, земля не становится обильней, мстя человеку за то, что в нем воцарился дух-расточитель. Этот дух расточил прежде всего самого человека, а потом уж и все остальное.

Что такое человек, отпавший от Бога? Это треснувший сосуд, из которого быстро испаряется влага — и нечем пополнить ее. Остается лишь медь звенящая — гордость, и говорит она всем: «Я богата, сильна, всемогуща!» С презрением смотрит она и на дарованную Богом землю, и на наследие предков, одержимая манией великих дел. «Великие дела» громоздятся, рушатся — и под обломками хоронят человека.

Велика ли земля, на которой разместились Россия, отечество наше и наших предков? И велика, и богата даже доньше. Вдоволь места, вдоволь дела — и смиренному сердцу и размаху плеча. Но раздувшейся гордости несть пределов: раздалась до края планеты, вздулась выше небес. Дух отлетел, земля опустела — не нашлось ему места на земле...

Оскудела земля любовью. Куда ни пойдешь, всюду чины, регламенты, формуляры — до сердца не доберешься. Снискаешь казенное сочувствие — повезло тебе, а пуще, если наострившись, припугнешь. Этой ли земле выдюжить, выжить, когда ни одна слеза живая не прожгла еще городского камня и не просочилась под стебель травы? Сосуд треснул — влага испарилась...

Сушь в душе, пересохло в горле — утолит ли жажду роса с холодного камня? Устыдились своей земли, отреклись от нее, ищем восполниться, называясь сынами планеты. Бог небес устами пророка не постыдился назвать себя Богом земли, а мы устыдились. Гонимые стыдом гордости, чего мы ищем бездомно на четырех ветрах? Чистой духовности? Любви к человечеству? Нет! Поправшие свою землю, мы ищем поправить — и чистоту, и духовность, и любовь, и человечество.

В иных землях — дети, от крови кровь, от плоти плоть. Отцы их приняли закон от Рима, закон человеческий — и сохранили его. Мы — хуже пасынков, потому что не от града, а от самого Бога приняли наши отцы, а мы вырвали из сердца и развеяли по ветру — большее, чем закон: дух любви милосердной. Так потщимся ли тягаться с иными землями, явившими твердость, которой мы не явили?

Тщится земля моя, тщится, не кается, ищет чужого поприща. А с востока туча черная, а на западе град идет. Кто ты, что раскинулась, размахнулась, глыбой легла на пути Господа? Бросила себя псам, ныне как кость обглоданная. Сломит тебя туча, знай! Выбьет тебя град до сердцевины.

С ненавистников России, с ждущих ее гибели спросим ли? Сами разучились любить. Горяча любовь, ревнива, пристрастна, она же движет горами и море пересекает до дна. Но по суху приходят к нам лжепророки — и мы принимаем их. «Бог не есть Бог русских, но всего мира», — говорят они. Так, встав одной ногой на путь спасения, мы бываем оттащены ими за другую. Но слова их — ложь. Бог живых не может быть Богом мертвому миру. Если же во Господе не полюбим землю эту, то и мы мертвы. Итак, полюбив, не отступим. Да грядет русский Бог во спасение миру!

27 августа 1974 г.

КТО ДОЛЖЕН КАЯТЬСЯ?

Из нелюбви к России, из непонимания ее мистической сути и, прежде всего, нездешнего начала, из которого она изошла и продолжает исходить постоянно, возникло ныне и распространяется пустозыкое проклятие на ее душу и тело, на все ее духовное и историческое бытие. «Россия — блудница, Россия — распутница; убийца, насильница, мать воров и грабителей. Да погибнет Россия, исчезнет с лица земли — или расклетается в пепле и вретнице!» — так или еще более метафорично говорят о России те, кто ни души ее не постиг, ни тайны ее не изведаль. А тайна сия велика есть.

Что можно сказать о Германии, которую нам постоянно приводят в пример с ее брандтовским движением искупления, с ее социал-демократической стыдливостью своего прошлого (может деланным, может нет)? От истоков своей истории до нынешнего дня Германия никогда не была единым живым организмом, который предполагает в народе и его истории наличие несокрушимого духовного стержня, мистического и реального одновременно. Германия всегда представляла собой и в лучшие времена своего государственного единства не душу живую, а конгломерат душ, соединенных или наружной идеей, как в политической партии, или такой расстановкой противоборствующих сил, когда устанавливается равновесие между взаимным притяжением и отталкиванием. Это — принцип среды, принцип материи, а не живого организма. Из этого принципа исходя, всякое зло, сотворенное Германией, есть именно Германией сотворенное зло, потому что, как и она сама, оно возникает от механического суммирования всех зол, в ней пребывающих. Да и что было бы мудрствовать, если бы не было очевидно всякому, что есть

Германия и в чем ее лицо! Она — это средний, всегда умеренный, всегда благонамеренный, не без излишних претензий, но вполне приемлемый и даже приятный немец. Такой немец в России — золотая жила, хотя он никогда не посещал нашего храма, а регулярно ходил в свою кирху; в науке ли, в военном ли деле или сапожном ремесле — во всем живший в России немец бывал на высоте положения, при этом не грабя, не обманывая, не обсчитывая и не халтуря. И когда 30-50 миллионов таких немцев жили-поживали, не слишком плотно разместившись на своей земле и не заботясь о политическом единстве, то есть ни добра своего не суммируя, ни зла своего не итожа, были они в глазах всех образцовой и добропорядочной нацией. Но вот соединил их Бисмарк на горе им (хотя дай им Бог воссоединиться и ныне, но на принципе, о котором не ведают) — и кто бы узнал через полвека того самого немца, который был у нас золотой жилой! Впрочем, это был тот же самый немец, тот же «честняга» с добропорядочным лицом, но до неузнаваемости исказилось лицо Германии! И если говорят нам сегодня, что Германия кается, будучи конгломератом, то что можно сказать о таком покаянии? По меньшей мере то, что оно невразумительно, а сама Германия из чего изошла, в том и пребывает.

Иное дело — Россия, иное — до самых глубин. В начале ее было Слово, была Церковь — и все через нее начало быть, и без нее ничто не начало быть, что начало быть. В ней «была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин.1, 4). И если одно начало свое бытие в России как рожденное Церковью и ее духом, а другое — как ими отвергнутое или несогласное с ними, это была ее жизнь, единой, святой, апостольской, православной Церкви. На протяжении ее истории тьма то рассеивалась вокруг нее, то снова сгущалась («и свет во тьме светит, и тьма не объяла его»; Ин.1, 5), и в глубинах своих она поистине оставалась всегда чистой

от всякого соблазна, незамутненной никакой ересью. «Церковь, — говорит А. С. Хомяков, — живет даже на земле не земною человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатною. Посему не только каждый из членов ее, но и вся она торжественно называет себя святою... Угнетаемая и преследуемая внешними врагами, не раз возмущенная и разорванная злыми страстями своих сынов, она сохранялась и сохраняется непоколебимо...»

Церковь. Святая Русь. Два этих понятия были и есть неразрывно одно. Что же — бросим ли в Россию камень, скажем ли, что она согрешила, видя все, что творится на этой земле — и соблазн, и преступления, и множество отпавших от нее в духе и рассеянных чад, но видя и добровольных мучеников ее и праведное, никогда не прекращавшееся на ней служение? Нет! Потому что все, что святое, есть она, а что не свято, то и не в ней, но отпавшее. Да и что было бы «мудрствовать», если бы не было очевидно всякому, что не средний человек, соединенный с тысячами себе подобных, определяет лицо России. Не было у нас такого человека, иначе подметила бы его наша литература и вывела. И сколько она ни билась, чтобы хоть как-то обобщить «общерусские», «общенациональные» черты, ничего из того не получалось, разве что на полюсах добра и зла возникало подобие типа, но и то лишь подобие. И вместе с тем всякий русский человек знал, по свидетельству Достоевского, истинное лицо своего Отечества, знал и верил, что на русской земле никогда не иссякала праведность; знал последний злодей, последний колодник — и в этом-то образе и была ему и понятна, и вразумительна Святая Русь. Она не была ни «типом» в чисто литературном смысле, ни этическим комплексом в смысле какой бы то ни было философии, образ ее всегда был таинствен и постигаем в

то же время, как таинственно-постижима третья ипостась Пресвятой Троицы.

Итак, из чего изошла Россия, в том и пребывает, и колоссальность размеров отпадения от нее собственных ее чад, ничего не изменила в сути, в духе, в сердце ее. Ну, а если бы это было не так, если бы пала Россия, как говорят о ней, пала вся без остатка, то какой смысл был бы говорить о покаянии? «Когда падает кто из нас, — говорит Хомяков, — тот падает один; но никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами». Если умерло сердце России, чем спасемся, где отыщем в мире образ покаянной святости, которая приняла бы и наше покаяние? У папы римского? У йогов? У кого?! И если Россия погибла, то и все погибло, — и не спасемся ничем: ни бегством из нее и никакими шпенглеровскими теориями о «естественном» закате культур.

Не должна каяться Россия, потому что она — святой остаток. Но здесь есть мудрость, которую надо уразуметь: наше покаяние — ее омовение, да крестится водою пребывающая в духе, как и Иисус Христос, Бог наш, крестился от Иоанна. Иоанн же удерживал его и говорил: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит исполнить нам всякую правду» (Мф. 3, 14-15).

Что ж, когда приходили к Иоанну «Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская» (Мф. 3, 5) и исповедовали грехи свои, неужто каялись не в личном, а в неких «обобществленных» грехах, «иерусалимских» или «иудейских»? А если и есть общие грехи, то не могут быть сняты иначе, как через сердце каждого согрешившего, и только одно это сердце да Бог святой знают меру прегрешений наших. Впрочем, это не значит, что не должно уразумевать общего греха, общего

зablуждения, каковы, например, заблуждения нашей интеллигенции или той же Германии. Но если «образованщина», как называет ее А. Солженицын, заключена в каждом интеллигенте, а Германия — в каждом немце, то Святая Русь заключена не в каждом русском. Ибо не плотью и кровью испытывает она, не «национальным характером», а огнем божественным. Великое это дело, если к трем-пяти несомненно пребывающим на Русской земле святым подвижникам добавится еще одна живая душа!

Но ненавистники России, услышав все это, осерчают еще пуще. Да и как не осерчать им на нас и на нее, если прежде того они осерчали на пророков и не приняли их свидетельства о святом остатке? Не приняв же его, отвергли Церковь, полагая, что она должна быть отвергнута из-за прегрешений чад ее, наружно к ней принадлежащих. Внешний человек видит внешнее — и тем довольствуется. Внутри же войти не может, потому что отчужден ненавистью. Чем же надеется спастись? Кто — чем, из среды же «верующих» — внецерковным покаянием. Таково «покаяние» Германии и некоторой части нашей русской и нерусской интеллигенции, «религиозно» мыслящей. Суть же его состоит в том, что, изобретя общими усилиями своей среды некоторый «достаточный» этический комплекс, каются пред ним, причем не за себя лично, а за свою среду. Но поскольку во всяком деле, призванном утверждать Жизнь, человек хочет чувствовать себя незаменимым, — и этим-то чувством Жизнь в нем поистине и утверждается, — в деле этического покаяния, вопреки всем благим ожиданиям, возникает жесточайшая конкуренция. О том у нас свидетельствует как письменный, так и, в особенности, «устный самиздат». Итак, лишив себя Церкви и веры в нее, бродим, как стадо без пастыря, и ни покаяние, ни вера в Бога не принесет нам желанного облегчения. Только внутренняя принадлеж-

ность к Церкви, к ее живому организму освящает человека и делает его незаменимым ее членом. Здесь — покой, и мир, и любовь, и отрада. Войдет же тот, кто верует в Церковь Христову, в ненарушимую ее святость на Русской земле.

Ненавидящие Россию, не вразумившиеся ею, сами не входящие и других не пускающие, покайтесь!

ГЕРБАРИСТ

Я засушиваю травы,
Я бродяжка, я брожу —
И в заброшенные храмы
В тайном трепете вхожу.

Луч ли бродит по карнизу,
Свет ли меркнет в алтаре,
Вижу блещущую ризу
При пасхальном фонаре.

Всякий шорох — как дыханье,
Тишина — как мощный хор,
На осколке полыханье —
Рыжий светится вихор.

В теплых струях млечных арий,
Сердцем таю на весу
И к проходу свой гербарий,
Как молитвенник несую.

Божий мир, краса и диво!
Вслед нырятьщику — стрижу
Руки врозь, как крест под ивой,
Долго, пристально гляжу.

И невидяще, с минуту —
На пылящий лимузин
И на мелочную смуту —
Продуктовый магазин...

20.9.74

РОССИЯ

Не плачь во след хуле людской,
Как над умершею, над ней.
Неутоленьем и тоской
Жива она в груди твоей.

Жива — покуда скорбь тесна.
Жива — покуда смерть красна.
Покуда звонок и широк
Простор ее. И гневен Рок.

21.9.74

МНЕ В СТУЖНОЙ КАМЕРЕ, БЫВАЛО...

Мне в стужной камере, бывало,
Когда горит еще звезда
Твоя, в Лефортове за валом,
И сонно дышат поезда,
И ключ гремит на коридоре,
Вдруг становилось так светло,
Покойно сердцу и тепло,
Как добрым утром на просторе.

Не свет ли дивный изливался
На душу юную мою?
Или смиренно отдавался
Монах в неведомом краю
Своей бессребренной молитве?
Или, бестрепетно дыша,
Уже вставала к долгой битве
В соседней камере Душа?..

23.9.74

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Хороша ли дева?
Млад жених в печали.
От одного древа,
Коиx обвенчали.

От одного древа,
От одного корня,
Голубица — дева,
Млад жених не гордый.

Голубица — дева,
Млад жених приветный.
От одного древа
Две зеленых ветви.

Да святятся оба,
Коиx обвенчали,
Чтоб хула и злоба
Их не разлучали.

Ни хула, ни злоба...
Помогай им, Боже!
То любовь до гроба,
Коли Бог поможет.

То любовь до гроба,
То любовь живая,
Коль смирились оба,
Пред Тобой, рыдая.

6. 10. 74

О РАВЕНСТВЕ И НЕРАВЕНСТВЕ В БРАКЕ

Любовь не совершается через равенство, наоборот, *неравенство есть самое неперемное условие любви*. Одни это знают от колыбели, у них это как бы написано в крови; другим же хоть кол на голове стещи, они углядят вокруг, что угодно, иногда разглядят самую последнюю ерунду и восхитятся ею, а вот главного и не увидят и не захотят увидеть. Почему это так?.. И почему иногда несомненнейшие истины оказываются недоступными для одних, даже для самых просвещеннейших, и доступными для других, казалось бы, самых простых людей?..

Но вернемся, однако, к идее неравенства, к этой величайшей з а к о в ы к е нашего времени.

И спросим: равен ли человеку Бог?.. На этот вопрос люди умные ответят, разумеется, отрицательно и добавят, что Бог превосходит человека настолько, насколько бесконечная полнота превосходит исчезающе малую точку. Но вот Он сходит с небес, унижается до этой самой последней точки и дает распять Себя за любовь к низшему, поднятому только в этой Божественной любви до Бога.

Нет, не равен Всевышнему человек. Но вот он в безумии полагает себя равным или даже превосходящим Бога. И что же?.. В нем, в человеке, уже нет ни любви, ни подлинного человеческого достоинства, даруемого взаимной любовью с Богом... Расчеловеченный человек, этот червь, состоящий из праха, извивается в муках зависти, раскручивается и снова скручивается, пытаясь проглотить весь мир, но глотает лишь землю, и раздирается в надмении и отчаянии снова и снова. А почему?..

Но выставим еще один тип отношений — родителей и детей. Равны ли они по своему положению?.. Те из детей, в ком под напором сумбура духовного еще не заглохли остатки совести, ответят, разумеется, отрицательно. И — вот истинное благородство — не почувствуют при этом ни скорби, ни своего унижения, потому что неравенство не позор, это вовсе не унижение, а тот заданный Богом строй и лад жизни, лишь повинувшись которому человек и находит, и сохраняет, и раскрывает свое не фальшивое, но истинное достоинство. Идея же равенства, будучи анархическим отрицанием этого лада жизни, выхолащивает изнутри достоинство человека, наполняя его недостойной завистью и втягивая в самую безнадежную борьбу всех против всех за лучшее внешнее положение, парадоксально сохраняющееся при любом якобы достигнутом равенстве.

Спросим еще: есть ли равенство в Лицах Святой Троицы?.. Есть ли там демократия?.. По-видимому, это самый решающий вопрос. Православная Церковь учит, что Лица Святой Троицы равны по Своей природе и по Своему достоинству, но открывает в Евангелии еще и иной аспект, а именно: что Они по Своему положению не равны. «Я пришел исполнить не Мою волю, а волю Пославшего Меня», — говорит Христос. И «стал Он послушным Отцу Своему до самой смерти», — говорит о Христе апостол. «Не Моя будет воля, но Твоя», — молится Божий Сын, выражая этим, разумеется, не Свою прихоть, но внутреннюю правду Своих с Отцом отношений. Сказанного достаточно, чтобы понять, что равенство не исключает неравенства и что сочетание внутреннего равенства с внешним неравенством есть та искомая формула отношений, в которой только и может выражаться целомудренная любовь.

Выявив эту формулу, обратимся теперь к браку и

спросим: что это?.. С о ю з ли двух разнополюх, основанный, как и всякий союз, на взаимовыгодных соображениях?.. Или же это некий духовный организм, — *организм любви, супружеской веры и надежды?*.. Если это союз, то идея равноправия является необходимым его условием и гарантией против ущемления интересов как той, так и другой стороны; если же это духовный организм, то противоборствующих интересов в нем в принципе не может и не должно быть, как не бывает противоборствующих интересов у различных органов единого тела. Стало быть, уже не идея равноправия, внутренне чуждая и по существу разрушительная для всякого организма, но идея гармонического единства должна выражать истину супружеских отношений в этом втором случае.

Но в современной супружеской жизни эти два духовных настроения, союзнический и органический, обычно смешиваются и подспудно противоборствуют друг с другом. По существу они исключают друг друга, но уточним, что исключают не на поверхности брачной жизни, а в ее глубине, потому что на поверхности «союзнический» или, иначе, эмансипированный брак тоже представляет собою единство, непрочное, неглубокое, но все же единство. Вот это-то поверхностное единство и принимается современным и тоже поверхностным сознанием за брак и в обиходе называется браком, хотя представляет собою на самом деле лишь законную обществом форму сожительства. Не более. Это лишь неверное подобие брака, его профанная форма, заключающая в себе пустоту и внутреннее духовное безбрачие.

Бог же не повелел мужу и жене быть равными по закону, чтобы между ними могло утвердиться равенство по любви, то самое глубинное равенство, которое является равенством действительным и которое сращивает их в единое целое, без верха и низа в смысле

достоинства, хотя утверждает и верх и низ во внешнем положении, дабы была возможность для самой настоящей любви. Ибо внешнее равенство расщепило б любовь на два враждующих самолюбия и вело бы к тому, что внутреннее безбрачие, проступая со временем все отчетливее, разрушило б и внешний союз, как это бывает теперь сплошь и рядом. Но внешнее неравенство, сохраняя супружеское единство, позволяет восполнить недостающее лучшим и прекраснейшим, и единственно ценным — любовью, парадоксально и вместе с тем премудро утверждая высшее равенство при помощи неравенства низшего.

Внешнее равенство, сказали мы, профанирует брак, перестраивая его сакральную природу на секулярный лад, оно духовно опустошает брак, лишая его *тайны, свободы и святости*. Ибо какая может быть тайна в союзе, кроме тайны предательства?.. Какая свобода, кроме свободы выскакивать на защиту своих ущемленных прав, как выскакивают собаки из подворотни?.. И какая святость, кроме честного выполнения всех условий брачного юридического договора?..

Но в свободном повиновении есть и подлинная свобода, недоступная для препирающихся, и тайна любви, недоступная для ставящих выше всего свою поверхностную свободу, и сияние святости, невозможное для добра, лишённого подлинной глубины. Внешнее равенство погашает это сияние святости и принижает брак до уровня шикарной торговой сделки, иногда честной, иногда нет, но всегда буржуазной по своей природе.

Внешнее равенство, будучи по видимости утверждением достоинства жены, есть в действительности самое полное и лукавое отрицание его, ибо это противостественное положение уничтожает всю духовную специфику женского лица, достоинство которого не в бесполом и пустом равенстве внешнем, оскопляющем

мужа духовно и позорящем брак неизбежной борьбой супругов, но в наполненной эротической правдою свободном повиновении своему мужу.

Вот этой-то эротической правды и нет в эмансипированных браках, превращающих и мужа, и жену в каких-то духовных гермафродитов, которые привносят в общественную атмосферу двусмысленность и неопределенность, незнание того, где правая, а где левая сторона, что хорошо, а что плохо; в духовных гермафродитов, не видящих, словно в некоем помрачении, пресветлого солнца небесного и пытающихся всю свою жизнь осветить своим уродливым, своим ублюдочным гермафродитским электричеством.

*

Аристократического золота, тяжелой библейской красоты не достает современным бракам. Пластмассовые украшения украшают их и слишком часто составляют их сокровенную сущность. Но еще чаще на месте драгоценностей брачной любви зияют раны, неисцелимые боли душевные, порожденные всем привычным уродством теперешней обезбоженной жизни.

Осознать это уродство — вот самый первый и необходимый шаг к тому, чтобы от него избавиться.

*

Равенство, сочетающееся с неравенством, — вот условие непорочной брачной любви. Мудрые знали об этом всегда. Безумцы над этим смеялись. Но истина от их смеха не переставала быть истиной. И не перестанет.

Вот эта самая. Одна из великого множества истин, которые, — верны, — воскреснут вместе с воскресением нашей России.

ИНТЕРВЬЮ А. Э. ЛЕВИТИНА-КРАСНОВА РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЗЕМЛЯ»

Накануне своего отъезда на Запад, известный сборник прав человека, церковный писатель Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов ответил на ряд вопросов, заданных ему редакцией журнала «Земля».

Вопрос: Что вы можете сказать о мотивах вашего отъезда на Запад? Сможете ли вы вернуться в Россию обратно?

Ответ: Пять лет назад мы вообще не думали, что будем иметь возможность выехать из СССР. А теперь я надеюсь, что еще через пять лет, а может быть и раньше, я смогу вернуться домой. Мне бы хотелось написать несколько работ и воспоминаний на церковные темы. В данных условиях я не смогу осуществить это намерение, да мне и не дадут этого сделать.

Вопрос: Вы известны как выдающийся сборник прав человека. Что вы можете сказать о возможностях легальной борьбы за гражданские права, за гласность в СССР?

Ответ: Борьбу за гражданские права можно и нужно продолжать. Необходимо широкое объединение всех демократических сил, включая не только интеллигенцию, не только А. Д. Сахарова и его сторонников, но и представителей рабочих и крестьян.

Вопрос: Какие проблемы в России являются в данный момент самыми актуальными?

Ответ: На этот вопрос я довольно обстоятельно ответил в недавней своей работе «Земля дыбом».

Вопрос: Что вы думаете о положении Русской Православной Церкви при Патриархе Пимене, видите ли вы отрадные перспективы для нее?

Ответ: Избрание Патриарха Пимена я считаю не-

каноническим, поскольку это происходило открытым голосованием. Но тем не менее, в условиях сегодняшней реальности, он — фактический Возглавитель Русской Православной Церкви, и ему следует подчиняться, чтобы не внести в Церковь раскол и смуту. В России сейчас наблюдается сильная тяга к религии. Особенно отраднo, что среди верующих становится все больше и больше молодежи, которая сознательно приходит в лоно Церкви и обращается к Богу. Поэтому я настроен оптимистично и верю в будущее русского православия, которое вновь станет могучей духовной основой будущей России и русской культуры.

Вопрос: Вы автор замечательного очерка о священнике о. Димитрии Дудко, помещенном в № 1 нашего журнала. Не согласились бы вы и в дальнейшем сотрудничать в журнале «Земля»? Хотелось бы знакомить наших читателей с жизнью русской Церкви и православных верующих за рубежом, с развитием там русского искусства и литературы.

Ответ: Я с пониманием отношусь к национально-религиозной тенденции журнала «Земля», хотя кое в чем мы и расходимся. Если с вашей стороны не будут проявляться шовинистические и антисемитские тенденции, я буду с вами охотно сотрудничать и сделаю все, что в моих силах.

Москва, 17 сентября 1974 г.

От редакции: С сожалением приходится отметить, что в ряде случаев А. Э. Левитин-Краснов все еще отождествляет движение за русское национально-религиозное возрождение с шовинизмом и антисемитизмом. Русский националист, прежде всего, православный христианин, и уже по одному этому не может питать какую бы то ни было ненависть к другим наро-

дам и их национальным культурам. Христианское движение нашего времени развивается под лозунгом «Христос объединяет». Наша позиция вполне с этим совпадает.

ГОЛОС ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА

(Письма из лагеря)

...В жизни бывает хорошее и плохое. Например, преданность — хорошо, а предательство — плохо. И то, и другое имеют место в жизни. И то, и другое есть объективное состояние жизни. Человек знает — бывают предательства, и он проецирует предательства в книгах, в живописи, в музыке. Человек знает — бывает преданность, и он проецирует преданность как одну из заповедей где-нибудь в книге Добра. Мы — это наши мощные инстинкты. Они учат нас преданности, и они же делают из нас предателей. Поэтому Мы и Преданность и Предательство одновременно. Мы знаем цену и Преданности, и Предательству, и было бы грубой ошибкой думать, что «люди склоняются к злу». Наоборот, зло всегда противно человеку. И он проецирует зло как темное, дьявольское Нечто. Оно для него тягостная вынужденность, с которой он ведет постоянную упорную борьбу.

В своей душе, в своем духе человек остается хорошим, кристаллизует все доброе — как нравственное — и проецирует эту кристаллизацию, положим, как десять заповедей. Эти десять заповедей, как десять жемчужин, как десять откровений, он вписывает в систему религии. А всякая религия — это гигантская величественная проекция гигантского величия человеческого духа.

Развращенный атеизмом уже не может верить в это величие, потому что в нем не осталось даже крупинки этого величия.

Если градусник показывает +100°С, то атеист верит, что объективно существует такая температура. А в то, что объективно существует нравственность,

* Ю. Галансков скончался 2.11.1972. — Ред.

атеисту поверить трудно. Сравнить нашу душу со ртутью, а десять заповедей со шкалой на градуснике для атеиста уже невозможно.

Но мы потеряли градусник нашей нравственности. Мы нравственно больные люди, не знаем, что с нами происходит. Мы верим во что-то хорошее, но все равно нам недоступно то гармоническое состояние, которого достигает обыкновенная старуха в церкви. Никакие наши речи не могут сравниться с молитвой, ибо все наши речи — формализм, не опирающийся на тысячную долю той веры, на которой основаны все молитвы. Ты говоришь: «Проблема относительности всякого добра». Добро абсолютно. Оно есть или его нет. Добро — оно для всех добро и ничем другим ни для кого быть не может.

26.4.69

Твой Юра

...У меня могут быть отношения с самыми разными людьми. Но есть люди, которых я принимаю целиком и полностью. Принимаю их такими, какие они есть. Принимаю при всех и во всех обстоятельствах. Принимаю в сиянии и в грязи. Принимаю в бедности и в богатстве. Принимаю в здоровье и болезни. Человеческие отношения сплошь и рядом построены на конъюнктуре. Люди выгадывают, выкраивают, обманывают и обманываются, выигрывают и проигрывают. У меня нет нужды заниматься всей этой человеческой бухгалтерией. Я не знаю, что там люди находят и теряют. Мне все равно, бывает ли им в такой жизни лучше или хуже. В моем понимании всё это плохо. Я вижу, как носится этот «Корабль дураков» без руля и без ветрил.

Позитивизм и прагматизм в человеческих отношениях разбивает магический кристалл мировоззрения,

растлеивает личность, ввергает ее в хаос суетной конъюнктуры. Люди хватаются за всё и не могут насытиться ничем. Эта негативная сторона современной жизни сейчас хорошо известна. О ней много пишут, о ней говорят, о ней кричат и даже вопят, устав от писанины и разговоров. Консерваторы справедливо пытаются привлечь внимание очумевшего мира к идеалам Веры, Надежды и Любви. Но современному человеку не во что верить, нечего любить и не на что надеяться. Конъюнктурный ритм жизни беспощадно дробит мировоззрение людей на мелкие осколки животных реакций и рыночных комбинаций. Положение серьезное и, может быть, даже страшное. Утратив веру в Бога, люди никак не могут обрести веру друг в друга. И это действительно — тяжелый случай, что в идеального Бога можно было верить и верили, а как верить в грешного человека? Как мне верить в человека, если я знаю, что он всегда может обмануть и предать меня? Как мне любить этого мошенника и предателя? И какие я, в таком случае, могу иметь надежды? Все вопросы и вопросы. И вопросы-то правомерные.

Именно правомерность и актуальность этих вопросов оживляет христианство. Человечество вновь обращает свои взоры к Богу. Ибо в вере в Бога оно легко обретает и Веру, и Любовь, и Надежду. Здесь возможны два варианта: или Бог есть и Он постоянно постигается людьми, или Бог есть потому, что Он создан законами человеческого мышления и психики. Материализм и атеизм легко может игнорировать первое, но второе просто отрицать — невозможно. Ведь невозможно отрицать законы человеческого мышления. Они ведь есть...

...Кстати, знаю о том, что вы поссорились с N. Смутно знаю. Очень мне досадно было узнать об этом. Жизнь полна недоразумений и, может быть, между вами не-

доразумение случилось. А может быть, кто-то из вас виноват в случившемся. Такое ведь бывает. Люди не ангелы. Может быть, даже виновата ты. И может быть, твоя вина — не то чтобы твоя вина, а просто какое-то проявление тебя с отрицательным знаком. Я повторяю, ведь не ангелы же люди. Противоречивы люди. Соответственно противоречиво проявляют они себя и в жизненных ситуациях. Очень досадно мне, что вы рассорились, ибо по-разному, но одинаково сильно я люблю вас и верю в вас. А вы вряд ли верите друг в друга и вряд ли друг друга любите. А когда нет веры и любви между людьми, то всегда найдется какой-нибудь пустяк, который станет яблоком раздора. И наоборот. Вот я и опять уперся в веру. Опять из мрака человеческих терзаний вырисовываются эти великие маяки. Человек — грешен. Как мне верить ему? Стоп! Ему или в Него? Стоп-стоп-стоп... Здесь есть какая-то разница. И очень существенная может быть. Может быть... Никак не уловлю сути. Грань тонка и истина уходит... Не схватывается зависимость, не вырисовывается связь... Мы научаемся верить в Него и верим Ему... или наоборот, или еще как-то. Почему эта вера или есть, или ее нет, почему одним дано верить, а другим нет? Как это получается? Ну ладно, я еще подумаю над этим. И ты подумай.

...Присылайте открытки (живопись) в письмах. И сама больше интересуйся живописью. И музыкой. Нужно чаще смотреть и слушать. Спасибо за Лотрека. Мне думается, я его хорошо понял. Или вернее, я могу понять его. Могу чувствовать эту болезненную пульсацию жизни, этот патологический излом судьбы. Но для меня это не самая драгоценная грань в кристалле бытия, хотя пройти мимо нее, конечно, невозможно. Это было бы ханжеством. Но я легко могу представить душу чистую и непосредственную, которая не поймет такой живописи и будет очень удивлена ею.

Мне ближе, например, Петров-Водкин. Например, его «Мать». Смотришь и начинаешь ясно понимать трагедию современного общества. Эмансипированные дуры и изуродованные шлюхи. Страшно! Я это не из ханжества говорю. Нет. Эти дуры и шлюхи — наша жизнь. В моем понимании — это испытание, которое человечество должно пережить и изжить. Всему этому будет естественный конец, когда переоценка станет неизбежностью во имя семьи как первичной завязи человеческих отношений (т. е. любви, материнской любви, родства, братства), во имя семьи как формы поддержания человеческого потенциала нации и ее наследственного фонда, во имя семьи как формы сохранения человеческого рода. Мы, по-моему, и мыслить-то разучились такими категориями. Лотрек — вот наше видение мира. Здесь мы находим и смысл, и красоту. Здесь наша психология и эстетика. Здесь — мы уроды в изуродованном мире. И самое удивительное в том, что все это для нас так естественно, так близко, что мы начинаем думать: вот она, жизнь настоящая... А жизнь ли это? По-моему, это скорее распад и умирание, по-моему, это кошмар жизни, в котором мечется раздавленный и распадающийся человек. Человек — несчастье. Человек без веры и надежд.

А в смысле живописи Петров-Водкин тоже хорош. Вот у меня под рукой его «Яблоки на красном фоне» и «Селедки». Пошлю их с этим письмом. В неожиданных ситуациях живопись воспринимается лучше. Так бывает. И даже, может быть, так должно быть. Ну как? Правда хорошо?

Новый год прошел хорошо. Из двух тумбочек сделали новогодний стол. Постелили белое полотенце. Пили кофе. Собрались Миша Садо (он здесь при столовой работает кочегаром), Петров-Агатов (приехал в больницу с больными ногами, с венами что-то; автор песни «Темная ночь, только пули свистят по степи».

Он верующий. Много пишет стихов и т. д., сидит уже не в первый раз), Леня Бородин (из нашего лагеря, приехал с язвой, ленинградское дело, русский националист), Иван Чердынцев и я. Кофе здесь пьют все (почти). Пьют из одной кружки, черной от сажи, или из банки. Кружка ходит по кругу, «закон железный — только два глотка», то есть каждый делает два глотка и передает другому. Потом заваривают еще и опять по два глотка, один передает другому. Пили за всех за вас, за матерей, за детей, за Россию, за алтари и очаги Отечества. Принесли баян. Леня играл. Мы с ним пели. (Странно, конечно, но я могу.) На 17-ом поют еще и другие. А здесь пришлось вдвоем. Жаль, не было Славика Платонова (он из Питера по одному делу с Мишей и Леней, окончил аспирантуру и преподавал на Восточном факультете Ленинградского университета амхарский язык и историю Эфиопии). Леня — бывший директор школы в Сибири, а затем около Луги. Поем мы, главным образом, русские народные песни. Смысл пения (не самих песен, а именно пения) — пробуждение русского национального чувства (в некотором роде это эмоциональная база русского национализма). Я понимаю, что для тебя все это странно, ты живешь в ином мире, для ясности скажу: в мире денационализированных лотреков. Чтобы понять, о чем идет речь, нужно раскрыть понятие нации, а это довольно сложно. Вот если я буду писать еще, то попытаюсь.

Очень самозабвенно я пою (со всеми) «Лучинушку».

«То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит.

Извела меня кручина, подколотная змея,

Догорай, гори, моя лучина, догорю с тобой и я.

Не житье мне здесь без милой, с кем теперь пойду к

венцу,

Знать, судил, судил мне рок с могилой обвенчаться,

молодцу.

Расступись, земля сырая, дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, моя родная, в тихой келье гробовой...»

Дело не в словах, а в минорности, в том эсхатологическом чувстве, которое является свойством русского характера в противовес западной мажорности. Хотя говорить обо всем этом можно только раскрывая позицию полностью или, по крайней мере, ее основные «нервные узлы». Иначе все это будет казаться страшным. Мы сегодня привыкли понимать нашу жизнь как какой-нибудь исторический процесс смены формаций, где какая-нибудь классовая борьба является локомотивом истории или где имеет место эволюция или революция. Методологически мы приучены сквозь призму социального (базис, надстройка, или просто общество) пытаться понять нашу жизнь, ее развитие, ее трудности, ее модели. Мы без конца, например, будем говорить о социальных причинах возникновения фашизма, и все же ничего не поймем. Что мне с того: какие социальные силы привели Гитлера к власти и где он нашел питательную среду (в каких слоях) для своего самоутверждения. Что мне с того, какие политические силы и почему не смогли противостоять ему. Что мне может дать весь этот разговор об обстоятельствах, если я не пойму самой природы фашизма. Почему, собственно, имел место фашизм, а не еще что-то? Мы совсем не способны взглянуть на жизнь сквозь призму религии, расы, культуры, психологии и логики, антропологии и биологии. Разве можно понять природу фашизма в социально-классовом анализе? Никогда!

Все вопросы и вопросы. И вопросы-то по существу.

...А домой очень хочется. Очень-очень! Хотя из этого еще не следует, что здесь жить невозможно. Совсем не следует. Даже наоборот. И если у человека нормальное здоровье, то, в некотором роде, он может считать, что ему повезло — пройти сквозь эту жизнь.

Здесь многое постигается. Здесь грани жизни отчетливы. Здесь человек понимает жизнь до ее последних возможных глубин. Отсюда, как с вершины, видишь человеческую трагикомедию и ее социальные формы. Вот пример, который, может быть, даст тебе ключ к пониманию ситуации. В разлуке, где-нибудь в экспедиции, когда временно прерываются семейные и некоторые социальные связи, человек острее и отчетливее чувствует и понимает их сущностное и ценностное значение. И даже эмоционально перед ним раскрывается все богатство личных связей и все тепло очагов. Но лагерь не экспедиция. Разница колоссальная. В этом сравнении, с одной стороны, всего лишь геолог, а с другой — личность, вырванная в напряжении, в боли, поставленная во всем в пограничные ситуации. Да и много всяких других аспектов в этом есть. Одни живут спокойно и легко, другие с надрывом, третьи просто сжились, состарились, и им уже не хочется в родные края, а если и хочется, то только для того, чтобы посмотреть на родные места (а это очень сильное чувство) и положить свои кости на знакомой земле. А я? Я иду своей дорогой сквозь все обстоятельства. И если болезнь не раздавит меня физически, — я ничего не боюсь и ничто меня не пугает. Я найду себе свое хорошее, я найду себе свое прекрасное. Я буду радоваться в радости своей и печалиться в своей печали. Мне моей души хватит для меня, а кроме души у меня есть еще и мир, в котором много всего удивительного.

Немного о здоровье. Болит у меня ежедневно, примерно через час после еды, все с правой стороны выше пупка и ниже в сторону ребер, под ребрами (внутри) и даже сверху. Отдает в поясницу, в позвоночник и особенно резко иногда в левый сосок. Утром встаю, вроде бы всё хорошо. Не завтракаю — хорошо. В 12 часов обедаю, а в час или во втором начинается на

целый день. Пью ежедневно, в день раз десять, соду, примерно пол чайной ложки, стараюсь не более. Помогает на некоторое время. Потом опять пью. Это не от изжоги, а чтобы снять боли. Изжоги у меня почти не бывает. Хотя кислотность бывает чуть повышенная или нормальная. Повышенная кожная чувствительность ниже уровня сосков в середине груди; точнее — ниже груди. Appetit хороший. Тошноты и рвоты не бывает. Запоры. Может быть, это колит, а может быть — нет. С печенью, по-моему, всё в порядке. После курса В1 и В12 глюкозы (с витамином) через месяц становится лучше и даже хорошо. Ничего не болит. Но вскоре все начинается вновь. Вскоре — это через месяц или быстрее. Вот тебе клиническая картина. Вот сейчас сижу (уже поздно) пишу письмо, появляется и затихает боль в правом боку (не могу сосчитать на уровне какого ребра). В середине бока. А потом и в других местах правой стороны. Передо мной белая красивая фляжка с водой и сода в пластмассовой баночке. Пью соду и запиваю водой. Минуты через две-три становится легче, а потом опять. Слежу, чтобы потом сразу уснуть, а то буду ворочаться, мешать спать соседу внизу, у меня койка — второй этаж. Когда ворочаешься — она качается и качается нижняя койка. А я человек стеснительный. Да и всё равно боль не дает сразу уснуть. Спать могу только на левом боку. Если лежать на правом — начинаются и усиливаются боли. Это в обязательном порядке. Хватит болезней. Кончаю об этом.

...Скорее всего 16 января (в пятницу) меня выпишут и отправят в лагерь. Вернее, меня уже выписали из терапевтического отделения, и я задерживаюсь здесь из-за зубов. Надоело все. Конечно, лучше бы пройти еще курс лечения. Но уж если не лечение, то скорее к себе в лагерь на 17^а. У меня все мои книги и вещи там. Там всё более приспособлено для жизни. А здесь

вокзальная ситуация. Хотя там свои проблемы, которых здесь нет. Но эти проблемы — неизбежность. Рассказывали мне, что ребята дружно встретили Новый год. Сейчас их выпустили из карцера, пересмотрели и отменили решение. Думаю, что и Леня в конце января, числа 30-го, приедет из больницы на 17-й. Миша останется здесь. Он — ассириец, весь черный, с черной бородой, среди черного угля и пыли, он будет сидеть около своих печей, как баба Яга с кочергой. А мы будем шить у себя рукавицы. Время от времени он будет видеть приезжающих лечиться знакомых, но вообще-то, по-моему, здесь одному можно обалдеть. Вместе интереснее... Ну, ладно, кончаю, пиши, пожалуйста. Завтра, может быть, еще что-нибудь напишу. Иду спать. Залезу на второй этаж. Рядом Миша. Должно быть, видит приятные сны. К нему скоро должна приехать жена и дети, которых он нежно любит.

Сегодня целый день не ел. Почти ничего не болело. Вот бы всегда так было! К сожалению, люди устроены так, что есть необходимо. Хотя, может быть, если несколько дней не есть — можно приглушить болезнь. Нужно попробовать. Правда, я пробовал, но нужно пробовать еще, подходя к этому исключительно с медицинских позиций. Убедился, что у Лени и еще у одного мальчика-литовца* (литовцев и латышей у нас много, хотя больше всего украинцев) боли такие же, как и у меня, хотя у литовца кислотность низкая (18). Одно в этом утешительное, что, может быть, это рядовая обыкновенная болезнь желудочно-кишечного

* Имеется в виду Альвидас Шедуйкис, студент Вильнюсской консерватории, осужденный на 5 лет лагерей строгого режима по обвинению в националистической пропаганде. — Прим. ред. «Земли».

тракта, но не более... Тогда с ней еще можно бороться и бороться успешно.

Завтра (16 января) буду на 17. Ну, всего хорошего. Пиши.

15.01.1970, больница Барашево

Юра

...Вот сейчас постараюсь написать новое. Постараюсь в этом письме сказать всё, что хотел в том...

...Речь совсем не об изящной словесности. А о языке, о нашем языке, о родном русском. Возьмем, к примеру, два слова «папа» и «отец». Что может сказать русскому человеку слово «папа»? И совсем другое дело — «отец». Отец — это отечество, отчизна, отчество и т. д. Казалось бы, всё это вопросы языкознания, лингвистики, семантики и т. д. Но в конце концов, всё это вопросы психологии (правда, просто психологии никогда не было и быть не может), общественной психологии, национальной психологии (это уже ближе к истине). И уж если говорить точнее, всё это, в конце концов, вопросы национальной культуры, то есть жизненно важные для нации вопросы. И не просто жизненно важные, а вопросы основополагающего значения.

Представь себе фантастическую ситуацию: в силу тех или иных причин умирают сразу все русские писатели и одновременно в Россию со всех сторон, со всего света собираются французы, немцы, англичане, японцы, китайцы и т. д. Сначала все они кое-как учат русский язык, кое-как говорят на нем, постепенно овладевают им всё более и через некоторое время начинают даже писать книжки. Допустим, что никто не понимает, что же собственно происходит. А они всё пишут и пишут. Всё написанное ими начинают называть ли-

тературой, а потом и прямо русской литературой. А является ли она на самом деле таковой? Во-первых, русский ли это будет язык в нашем фантастическом примере? Ни в коем случае. Теперь взглянем на это с несколько другой стороны, несколько в ином ракурсе и спросим себя: какими соображениями и интересами руководствуются пишущие люди в нашем фантастическом примере? Заняты ли они действительно русскими делами, или, может быть, еще чем-то? Может быть, они таким образом всего лишь проводят свои интересы и всего лишь утверждают себя? Если это так, а в нашем фантастическом примере это так и иначе быть не может, то что же тогда получается? Получается, что литература существует сама по себе, а нация сама по себе. И даже более того, получается видимость существования русской литературы, языка и культуры. И в этой видимости — суть подмены, катастрофическая суть. И между прочим, может быть, подмены сознательной.

О ПЛЮСАХ И МИНУСАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В 6-ом номере журнала «Вече» была помещена моя статья «Проблема частного предпринимательства в СССР», причем редакция заявила, что помещает ее в порядке дискуссии. Дискуссия, кажется, закончилась в следующем, 7-ом номере журнала статьей Р. Логинова «Мы покупаем всё». Взяв за основу для своей позиции фантастический роман американского писателя Клиффорда Саймака «Почти как люди», автор на примере событий, описанных в этом романе, доказывал, что не только в СССР, но и в США частная собственность не приведет ни к чему хорошему. Конечно, если в дискуссии на серьезную тему опираться на фантастику, то можно доказать что угодно. Странно было видеть, что Р. Логинов серьезно полагает, будто в условиях частной собственности можно скупить все имущество людей и оставить их без всяких средств существования. На мой взгляд, это возможно только в мире бессознательных существ, не ведающих, что они делают, продавая последние брюки каким-то пришельцам из космоса.

Я не собираюсь защищать частную собственность и далек от того, чтобы фетишизировать ее. Более того, я вполне допускаю, что будущее принадлежит не ей, а государственной собственности. Процесс вытеснения частного производства групповым и государственным начался еще в прошлом веке. Энгельс в 1891 году писал:

«Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие

планомерности» (К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., М., 1936, т. 16, ч. 2, стр. 1).

Этот процесс привел к тому, что в наши дни в мире свободного предпринимательства частное производство в его чистом виде, то есть предприятия с одним владельцем, остались почти только в сфере услуг. Государственное производство в этой сфере оказывается малозффективным, что я и доказывал в своей статье.

Но в современном мире есть много людей, которые являются убежденными сторонниками государственной монополии на предпринимательство и искренне считают, что такая монополия устраняет эксплуатацию. Вся официальная советская экономическая наука утверждает, что советское народное хозяйство свободно от эксплуатации людей, что оно является социалистическим, а не капиталистическим; в то же время на международной арене оказывается всяческая поддержка тем слаборазвитым странам, которые стали на так называемый некапиталистический путь развития, то есть на путь строительства государственной промышленности. Однако советские экономисты не понимают (или делают вид, что не понимают), что поскольку советская государственная промышленность основана на хозяйственном расчете, постольку она работает на капиталистических началах. Ленин в 1922 году писал:

«...Государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, то есть по сути в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала» (Ленин, ПСС, т.44, стр.342).

Каждый воспитанник советской школы знает, что капитализм есть эксплуатация. И партийное руководство при Ленине не втирало очки рабочим, а открыто заявляло, что в государственных хозрасчетных предприятиях они подвергаются большей эксплуатации,

чем в частных. С трибуны партийного съезда генеральный секретарь ВЦСПС А. Лозовский в 1922 году заявлял:

«Что значит хозяйственный расчет?.. Это значит, что предприятие, которое имеет своей целью добыть и выработать определенное количество продуктов, организует труд и управление самой работой таким образом, чтобы при затрате определенного количества денежных средств и ресурсов получить максимум. И здесь определенное противоречие. То соревнование, которое должны выдержать в настоящее время государственные предприятия по сравнению с частными предприятиями, это соревнование идет за счет не только лучшей, не только наиболее научной организации труда, но часто идет за счет большей эксплуатации» («XI съезд РКП(б)», stenотчет, М., 1961, стр. 259).

Ввиду этого ленинское руководство в 1922 году признало правомерной забастовку не только на частных, но и на государственных предприятиях. Вместе с тем лидеры партии стремились уменьшить степень эксплуатации таким средством, как неуклонное повышение зарплаты рабочим, имевшее своим следствием рост производительности труда. Резолюция XII партсъезда гласила:

«За истекший год можно констатировать значительный рост заработной платы по всем категориям рабочих, что повлекло за собой и значительное повышение производительности труда» («КПСС в резолюциях...», М., 1954, ч. 1, стр. 698).

Этот принцип считался единственным социалистическим принципом в условиях товарно-капиталистического хозяйства. Однако после смерти Ленина с ним было покончено: ЦК партии в августе 1924 года провозгласил обратный принцип, согласно которому рост

производительности труда должен опережать рост зарплаты:

«Развитие промышленности, мощь государства, возможность длительного роста самой зарплаты и закрепление ее нынешнего уровня требуют обратного отношения... — рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты» («КПСС в резолюциях...», М., 1953, ч. 1, стр. 902).

Этот обратный, несоциалистический принцип является руководящим принципом всей советской политики труда и заработной платы. Известно, что не все члены ЦК партии были в свое время согласны с ним. Участники так называемой «новой оппозиции» остались верны Ленину в вопросе зарплаты. В 1926 году оппозиция говорила:

«Вопрос о зарплате должен ставиться не так, что рабочий должен сначала дать повышенную производительность труда, которая затем даст повышение зарплаты, а система должна быть обратная: повышение зарплаты, хотя бы и скромное, должно стать предпосылкой повышения производительности труда» («15-ая Всесоюзная конференция ВКП(б)», стенографический отчет, М., 1927, стр. 507).

Но оппозиция была объявлена «меньшевистским уклоном в партии», изгнана из ВКП(б), и то, что вчера было ленинизмом, стало квалифицироваться как меньшевизм. Вместе с тем из всех советских публикаций на темы экономики было изгнано всякое упоминание о капиталистических началах хозрасчета, национализированная промышленность была переименована из гос.-капиталистической в социалистическую, а всякий, кто пытался говорить об эксплуатации труда в хозрасчетных предприятиях, обвинялся в злой клевете на социализм. Однако от всех этих переименований советское государственное хозяйство социалистическим не стало, оно осталось тем, чему Ленин дал

название государственно-монополистического капитализма. Вот что впоследствии говорил, например, с трибуны XIII партсъезда (1924 г.) председатель Госплана СССР, впоследствии академик, Герой социалистического труда Г. М. Кржижановский:

«Если вы следите за иностранной литературой, — а вы обязаны следить за тем, как смотрят на дело нашего строительства наши враги, — то вы, вероятно, повторите за мной, что враждебная нам белогвардейская пресса характеризует эту задачу таким образом: по капризу великого человека, с одной стороны, и по неразумению большевиков, с другой, хотят создать на громадном теле народного хозяйства России какую-то нелепую мозоль, и эта мозоль и есть государственно-монополистический капитализм. Думаю, что враги наши жестоко ошибаются в определении. Мы покажем им, что был прав Владимир Ильич Ленин, когда видел в постройке именно этого рода здания неизбежное преддверие социализма. Он так прямо и говорил, что мы должны создать этот государственный капитализм и приступить к этой постройке по тем причинам, что между государственным капитализмом и социализмом нет никаких промежуточных ступеней, что это и есть непосредственное преддверие социализма. Если мы убеждены в том, что мы в результате октябрьских завоеваний строим царство социализма, то, следовательно, мы никак не можем миновать этой гос.-монополистической системы капитализма» («XIII съезд РКП(б)», stenotчет, М., 1963, стр. 396-397). «...Хозяйственный план является неразрывным звеном этой монополично-государственной капиталистической системы» (там же, стр. 397). «Мы вступаем в период, когда власть товаров, денег и рынка развертывается в формах, соответствующих заданиям всей постройки государственного капитализма... нам надо усиливать

плановую работу. Поэтому создание Госплана совпало с весной 1921 года — с началом разворачивания нэпа» (там же, стр. 399).

Госплан был создан для планирования производства не в частных предприятиях, не в крестьянских единоличных хозяйствах, а только и исключительно в крупной национализированной промышленности. Именно эту промышленность Кржижановский назвал государственно-монополистическим капитализмом:

«...Мы имеем в нашей стране в ее экономических отношениях воплощение, с одной стороны, почти патриархального крестьянского натурального хозяйства, во-первых; во-вторых — мелкого товарного хозяйства, куда относятся все крестьяне, которые продают хлеб; дальше мы имеем частный капитал, ставящий выше всего свободу конкуренции на вольном рынке; ...далее мы имеем крупную промышленность, представляющую уже государственный капитализм...» (там же, стр. 398).

С ликвидацией в стране частного производства, городского и деревенского, нэп, как здание гос.-монополистического капитализма, ликвидирован не был, его осталась представлять хозрасчетная планируемая государственная промышленность. Будучи освобожденной от всех примесей частнохозяйственного капитализма, советская монопольно-государственная капиталистическая система тем не менее осталась способной «вступить в брак» с экономикой стран Запада, сосуществовать и взаимодействовать с ней. Слова Ленина о том, что советская государственно-капиталистическая экономика, будучи приспособленной к частно-капиталистической экономике Запада, тем самым может сотрудничать с ней, не утратили своего значения:

«Целый ряд уступок, которые приравнивают нас к державам капиталистическим, — этот ряд уступок дает полную возможность вступить державам в

сношения с нами, обеспечивает их прибыль...» (Ленин, Соч., изд. 3, т. 27, стр. 363-364).

Но Ленин называл советскую хозрасчетную экономику не только гос.-капиталистической, но и социалистической. Всякая национализация предприятий в его глазах являлась шагом к социализму, а государственный капитализм он видел только в методах ведения хозяйства в этих предприятиях, то есть в коммерческом, капиталистическом расчете. «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа», — писал он в 1917 году*. В вызванной войной 1914-1918 гг. национализации целых отраслей промышленности на Западе Ленин видел стремительное приближение человечества к социализму. В 1917 году он писал:

«А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, практически, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма» (Ленин, Соч., изд. 4, т. 25, стр. 333).

Однако в дальнейшем многие предприятия и отрасли промышленности на Западе были денационализированы, а различные организационно-хозяйственные мероприятия, в которых Ленин видел такие шаги к социализму (напр., всеобщая трудовая повинность в Германии), отменены, и капитализм вновь стал таким, каким он был до войны. Новую волну государственно-капиталистических тенденций вызвала вторая мировая война. Уже после этой войны в Англии были национализированы железнодорожный транспорт и связь, газовая, сталелитейная, угольная и другие отрасли промышленности. В той или иной мере эта тенденция

* В ст. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (см. Ленин, Соч., изд. 4, т. 25, стр. 332). — Ред.

коснулась и ряда других стран. В связи с этим уместно привести те возражения против процесса национализации, с которыми оппозиция в Англии выступает перед рабочими:

«Посмотрите на то, что у вас делается! Вы получили то, что хотели. Смотрите, что значит социализм и национализация! Смотрите, что стало с железнодорожниками и железными дорогами; высокая проездная плата, плохое обслуживание! Посмотрите на потери на транспорте, в горном деле! Посмотрите на забастовки, на дороговизну товаров; посмотрите на хаос, который создает социализм!» (Х. Фэйган, «Национализация»; на англ. языке. Лондон, 1960, стр. 48).

В нашей стране самым большим пороком государственного производства является возможность для его руководителей мстить отдельным работникам, попавшим в «немилость», такими карами, как увольнение с работы, перевод на менее оплачиваемую работу и т.д. Это относится как к производственной, так и к непроизводственной сфере. Практически каждый работник или рабочий государственного учреждения или предприятия никогда не может быть уверен в том, что не лишится куска хлеба за свое противодействие тем или иным политическим установкам, не говоря уже о противодействии мероприятиям администрации своего учреждения, ибо хорошо известно, что у администрации есть в запасе множество способов изгнания работников с работы. В качестве таких способов широко применяются увольнения «по сокращению штатов», «за несоответствие занимаемой должности», «за необеспечение целей коммунистического воспитания» (для преподавателей учебных заведений), и т.д. Даже пенсионер не может быть уверен в том, что начальство не найдет способа лишить его пенсии. Отсюда проистекает всеобщая трусость и социальная инфан-

тельность. Опасаясь за свой кусок хлеба, люди боятся оказывать сопротивление даже вопиющим злоупотреблениям властей.

Следовательно, в конечном счете все зависит от того, какие люди оказываются во главе государства и государственного хозяйства, какими качествами обладают верховные распорядители государственной собственности. Ими могут быть хамы, держиморды и государственные преступники (вспомним Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова), ими могут быть сравнительно и терпимые политические деятели (такие, как Ленин и ряд его соратников). Они могут или практиковать репрессии за инакомыслие, или не допускать их и карать их виновников. В этих условиях наряду с существованием государственного хозяйства становится необходимым существование группового, смешанного и частного хозяйства. Это дает возможность работникам, изгнанным за инакомыслие из государственных учреждений и предприятий, переходить на работу в иные учреждения и предприятия, это устранил всеобщую трусость и страх за кусок хлеба. Кроме того, это породит совершенно необходимую конкуренцию между всеми секторами народного хозяйства, погоню торговли за покупателями, которой ныне нет. И наконец, это породит у руководителей предприятий и учреждений деловой подход к кадрам, оценку их по их деловым качествам, а не по тому, что они думают и говорят по вопросам политики.

К Московской выставке неофициального искусства

В сентябре нынешнего года в Москве состоялись две выставки неофициального искусства (первая, на Профсоюзной ул., была разогнана властями, вторая — в Измайловском парке — разрешена властями)¹. Второй из них была посвящена статья в газете «Вечерняя Москва» от 23 октября 1974 г. за подписью Н. Рыбальченко². В редакцию журнала «Земля» поступило письмо А. К., полемизирующее с Н. Рыбальченко, которое и публикуется на страницах журнала.

ОТВЕТ Н. РЫБАЛЬЧЕНКО (письмо в редакцию журнала «Земля»)

Начнем по порядку — о первой выставке на Профсоюзной... Вряд ли можно назвать ее организованной «экспромтом». Организаторы ее не одну неделю обивали пороги многих организаций, и ни одна из них официального отказа им не дала.

Присутствовавшие на ней не могут согласиться с Вами и по поводу «...искусственно раздутой шумихи». Неужели столь уж были искажены сообщения о ней корреспондентов западных органов информации?

Далее... как понимать, что в статье Решетникова³, на которую Вы ссылаетесь, как о положительной черте выставки академиков, говорится об «...огромном диапазоне стилей и направлений,... самых разнообразных приемах письма». У Вас же отнюдь не положительно:

¹ 15 и 29.9.74 соотв. — Ред.

² «Как рассеялся мираж». — Ред.

³ Ф. П. Решетников, вице-президент Академии художеств, «Летопись жизни народной», «Вечерняя Москва», 18.10.74. — Ред.

«... — пестрота направлений. Обилие разных и по манере восприятия мира, и по технике работ... почему эти художники вместе, что их может объединять?»

«Сломанная жизнь» Ламма¹: к тусклому серо-зеленому полотну прикреплены какие-то деревянные предметы... «Бабочка — махаон» Зеленина: ученически примитивно изображен Покровский монастырь...» Не Вам выбирать тот метод, посредством которого художник создает, — создает он, а не Вы! Кто, где, когда издал свод законов, определяющих, что можно изображать, как, — и что и как нельзя?

«Рубашка» Рабина: на фоне черного города на черной веревке — порванная женская рубашка, белая с розовыми цветочками». Как понимать этот упрек?! Такого не может быть? На фоне ночных городов висят и такие рубашки, такие даже носят!

Что хотите Вы увидеть нового в приемах живописи, лучшие приемы которой были разработаны более 300 лет назад?! А о коллаже в живописи упоминается в трактатах 15 столетия, когда критики были много умнее и не позволяли себе «расчленять» искусство на «западное» и «незападное», на «наше» и «не наше».

Также пестры Ваши заявки и по поводу прямолинейно-дидактических символов, откровенных выпадов: «...В... «Цветах на салфетке» Эльской² салфетка приклеена к холсту». А в работе Глазунова «Русская красавица» ткань прибита гвоздиками. Или прибивать можно, а приклеивать нельзя?!

Поистине удивительно: «...Несамостоятельность участников просмотра, отсутствие индивидуальности

¹ А. Глезер в открытом письме в газ. «Вечерняя Москва» заявил, что у Леонида Ламма такой работы нет и что такой работы на выставке неофициального искусства 29.9.74 вообще выставлено не было. — Р е д.

² Надежда Эльская. — Р е д.

тей...» И это при обилии направлений по манере восприятия мира и по различной технике?!

И так, что ни возьми!!!

Поразительно звучит Ваш упрек, что «абсолютное большинство из них имеет за плечами десятилетку и 20-25 лет жизни...» А как же Надя Рушева¹, откуда у нее тогда взялась творческая и духовная зрелость в 17? А как же художники, у которых вообще не было никакого образования?

Создается впечатление, что Вы и на выставке не были, а если и были, то к ее оценке относитесь более чем предосудительно и менее чем серьезно. Иначе как понимать Ваше «...духовная немощь картин из-за отсутствия в них человека...» и Ваше же «...Духовная беспомощность заставляет этих художников изображать человека и его мир безобразным»?!

Видимо, неумение или невозможность понять и выразить сущность Искусства заставляет Вас (а не художников) тянуться ко всякого рода мистике и дьявольщине, к подобного рода ниспровержениям...

Спорили всегда и везде, и никогда не ставили в вину отстаивание собственной точки зрения на что-либо...

По-Вашему, звучит насмешкой над образом русской женщины и величайшим памятником русской архитектуры соединение женской головы и кижского погоста в картине художника Даждь². А как расценивать соединение обезьяньих рож с Троицей — величайшим памятником древнерусской живописи кисти Андрея Рублева — в работе «художников» Кукрыниксов «Дружеский

¹ За летние каникулы 1968 года, в 16 лет, Н. Рушева создала около 100 монотипий, рисунков кистью и фломастером к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (о ней см. статьи В. Ваталина и И. Бражнина соотв. в журн. «Юность», 1969, № 9, и «Звезда», 1972, № 9). — Р е д.

² Анатолий Даждь. — Р е д.

шарж», представленной на последней выставке академиком?!

Довольно ясна Ваша позиция и по отношению к Рабину*, к человеку, который «...знает, что хочет сказать. И знает как». Что может быть для художника выше подобного комплимента, чего никак не скажешь об абсолютном большинстве участников «официальных» выставок.

Хоть как понимай: «...хоть тоже чересчур красиво, но все же немало говорят уму и сердцу»...

Нельзя согласиться с Вами и по поводу «случайных» посетителей — выставку ждали, ждали с нетерпением, и 5 тысяч человек, которые пришли на нее, никак «случайными» не являются. Таким количеством «случайных» посетителей за один день не может похвастаться и выставка академиков.

А в общем, Вы вышли к публике голой и предстали во всем своем убожестве, потому что как критический обзор Ваша статья выглядит просто несерьезно. Seriously здесь только напоминание о том, что особенно в нашем обществе, где к искусству подходят с утилитарной точки зрения и от художника требуют сознательного служения социальным интересам, — особенно у нас важно напоминание, что каждое художественное произведение в конечном счете является делом просто чисто индивидуального духа; что великие мастера и их великие ценители не только не продукты своей эпохи, не только не подчиняются ей, а наоборот, часто выступают в резкой противоположности к ней и к современному обществу; что художник, который делается рабом социальных запросов, унижает этим и свое искусство, и самое общество!

А. К.

* Оскар Рабин. — Р е д.

О т р е д а к ц и и: Сообщаем читателям, что секретарь Черемушкинского райкома КПСС г. Москвы Чаплин, отдавший распоряжение о разгоне выставки на Профсоюзной ул., был через несколько дней освобожден от работы и... назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Демократической Республике Вьетнам, что гарантирует ему введение в состав ЦК КПСС.

Кстати — это не кто иной, как сын бывшего генерального секретаря ЦК ВЛКСМ и знаменитого комсомольского вожака Николая Чаплина, расстрелянного в тридцатые годы и впоследствии реабилитированного при Н. Хрущеве.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В ы д е р ж к и из книги «Особо опасные государственные преступления», Госюриздат, Москва, 1963 г. Авторы: Д. И. Богатиков, И. А. Бушуев, А. Н. Игнатов, В. И. Курлянский, М. П. Михайлов, Е. А. Смирнов.

«В статье 7 Закона от 25 декабря 1958 года законодатель ввел указание на специальную цель — подрыва или ослабления Советской власти, только при наличии которой виновный может быть привлечен к ответственности за антисоветскую агитацию или пропаганду» (стр. 121).

«...Этого преступления не будет, в частности, в тех случаях, когда лицо выступает с критикой тех или иных мероприятий КПСС и Советского правительства или оценивает их как неправильные. Поэтому, например, несогласие лица с освоением целинных и залежных земель, критика внешней политики СССР, неодобрение помощи другим странам со стороны СССР и т.п. не может явиться основанием для привлечения к уголовной ответственности... Привлечение к ответственности за критику, за недовольство или несогласие с теми или иными мероприятиями КПСС и Советского правительства будет являться грубым нарушением социалистической законности» (стр. 126).

«Под хранением литературы следует понимать сохранение для дальнейшего распространения с целью подрыва или ослабления Советской власти письменных документов или материалов, антисоветское содержание которых известно виновному. Хранение литературы для личных надобностей (научных или других) без целей распространения нельзя рассматривать как антисоветскую агитацию или пропаганду.

Для привлечения лица к ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду в этой форме требуется установить, что распространяется, изготавливается или хранится литература антисоветского содержания, то есть в ней развиваются идеи и взгляды, направленные на подрыв или ослабление Советской власти, или содержится клевета на государственный или общественный строй СССР*. Если этого нет (пусть даже литература носит политически вредный характер), нет и состава преступления» (стр. 130-131).

* В связи со включением в УК РСФСР ст. 190-1 (и соотв. ст. в УК др. республик) в 1966 г., состав преступления «клевета на государственный и общественный строй СССР» в настоящее время подлежит квалификации по этой статье. — Ред.

О СБОРНИКЕ «ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

Идея этого сборника принадлежит А. И. Солженицыну. Работа над ним продолжалась около трех лет и уже близилась к окончанию, когда Солженицын был арестован. Изгнание Солженицына задержало последний этап нашей работы — иначе сборник был бы готов к марту или к апрелю.

Цель сборника представляется мне такой. При всем разнообразии оттенков независимой мысли в нашей стране, одно положение принимается почти единодушно: основной решающей причиной, препятствующей нашему нормальному развитию, признается недостаток свободы, подавление человеческой личности всемогущим государством. И действительно, свобода высказывать свои мысли и получать информацию, воспитывать детей в своей вере и жить там, где считаешь нужным, — это абсолютно необходимая предпосылка здорового существования любого государства. В последние годы я имел возможность столкнуться с этой стороной жизни и видеть трагические, изуродованные судьбы — людей и целых народов. И тем не менее, я пришел к убеждению, что не здесь тот центр, к которому сходятся наши трудности, ибо при всей остроте сегодняшних экономических, политических и социальных проблем наше будущее определяется все же в первую очередь не ими, а тем, как мы ответим на духовные вопросы, которые встанут перед нами.

Как мне кажется, трагедия нашего теперешнего состояния в том, что понимание жизни, складывавшееся в течение тысячелетия, — утеряно, а его место не заняла никакая система взглядов, которая могла бы по-

служить основой для решения реальных человеческих проблем.

Официальная идеология, м а р к с и з м, такой функции на себя взять не способна. Я убежден, что социализм, и марксизм в частности, м о ж е т овладеть душой народа, некоторое время двигать его историю, так же как и убежден в том, что это движение ведет к национальной, а может быть, и общечеловеческой катастрофе. Почему — я попытался показать в одной из статей этого сборника. Но сейчас в нашей стране марксизм никого и никуда подвинуть не в состоянии. Я могу представить себе лишь три категории людей, способных сейчас у нас с сердечным жаром отстаивать догмы марксизма: это многочисленные преподаватели марксизма, несколько ничему за свою жизнь не научившиеся пенсионеры — и Рой Медведев. Думающая молодежь, насколько я ее знаю, относится к марксизму, как правило, со смесью скуки и иронии.

Но основанная на принуждении идеологическая монополия марксизма преграждает большинству людей путь к размышлениям над основными вопросами жизни. Не проверенная, не оспоренная, не продуманная, даже не основывающаяся хотя бы на иррациональной вере доктрина не выдержала бы дуновения свободного обсуждения, — а она стоит и давит жизнь, подминает ее под себя, как мертвец, душащий живого.

Именно в этом причина того, что другие попытки осмысления жизни, исходящие из религиозных или национальных точек зрения, не смогли заполнить образовавшуюся пустоту. Мировоззрение, как продуманное цельное понимание смысла существования отдельного человека и всего народа, у нас отсутствует, и мы живем, лишь балансируя между смутными, от рождения заложенными в нас импульсами добра и давлением внешних сил. Сформулировать те духовные вопросы, ответы на которые дали бы нам точку опоры в жизни,

сделать первые шаги в их обсуждении, проследить их связи с социальными и экономическими проблемами — и попытались авторы этого сборника.

Естественно, что большинство работ Сборника посвящено вопросам духовной жизни. Но это не значит, что принципиальная установка авторов уводит их от проблем свободы личности и прав человека. Наоборот, я уверен, что в своих наиболее значительных аспектах эти проблемы упираются именно в идеологию и только так могут быть поняты. Приведу здесь в качестве примера несколько вопросов, являющихся, на мой взгляд, центральными для теперешней жизни и для будущего нашей страны. Конечно, для громадной России на такое место могут претендовать лишь вопросы, затрагивающие не сотни, даже не сотни тысяч, а десятки миллионов людей.

1. Деревня

Для нашей страны, которая почти всю свою историю была сплошь крестьянской и сейчас — в значительной степени крестьянская, то, что происходит в деревне, это, вероятно, основная проблема. А что там неблагополучно — ясно, кажется, всем. Самый заметный признак — экономика: то, например, что из вывозящей хлеб страны Россия стала ввозящей. На более глубокие корни указывает то, что крестьяне не остаются сами в деревне, их надо держать, лишая паспортов. И экономический и социальный указатели отражают духовный сдвиг: изменение отношения к своему труду. Труд крестьянина, который наполнял смыслом жизнь неисчислимых поколений наших предков, теперь свою красоту и притягательность, очевидно, потерял. Отчетливо видно, что дело здесь не в экономике: цены на сельскохозяйственные продукты (и доходы колхозни-

ков) за последние годы возросли во много раз, а те же административные меры все необходимы, даже уже недостаточны — пришлось их усилить, запретив и отъезд на сезонные работы без разрешения начальства.

Причина же заключается в столкновении двух идеологий: одной, согласно которой землю обобществить необходимо, и другой, которая рождается из особого чувства, из любви к своей земле, столь же несовместимого с ее обобществлением, как нормальное чувство к своей жене — с обобществлением жен.

2. Религия

Рим знал отдельные гонения на христиан: Нерона, Деция, Диоклетиана. Но в нашей стране вот уже почти 60 лет происходит одно непрекращающееся гонение религии, в котором только меняются методы и перемещается его эпицентр. Первый и, я думаю, самый тяжелый удар приняла на себя Православная Церковь. Испытания, через которые она прошла в 20-е и 30-е годы, потрясают воображение и далеко еще не описаны. Когда к началу 40-х годов осталась лишь ничтожная часть храмов и столь же малая часть священников, и когда сохранились лишь прошедшие тяжелую школу компромисса осколки высшей церковной иерархии, тогда обнаружилась возможность перейти к другим методам. Эти методы действуют и до сих пор: просьбы об открытии храмов заполняют ящики в Совете по делам религий, а храмы постепенно закрываются; священники, пользующиеся влиянием на прихожан, переводятся в другой приход; люди нравственно нечистые активно поддерживаются в исполнительных советах религиозных обществ...

Другим же религиозным течениям, судьба которых в 20-е годы была гораздо легче, имённо сейчас приходится испытать на себе старые и испытанные приемы. Этих течений много, и только в качестве одного примера я назову евангельских христиан-баптистов (Совет Церквей), с поразительной христианской жертвенностью переносящих сыплющиеся на них удары. Издаваемый ими (конечно, нелегально) «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» полон хватающими за душу описаниями арестов, избиений, издевательств. Там сообщается и об актах особенно изощренной жестокости — верующих лишают родительских прав и отбирают у них детей. (По их данным, сейчас более 50-ти детей оторваны от своих родителей.)

Такая трагедия, длящаяся более полувека, в которую были вовлечены за это время сотни миллионов людей, не может, конечно, быть объяснена несовершенством законодательства или нарушением законов. В основе лежит глубинная идеологическая установка, которая иногда высказывается открыто, но чаще может быть прослежена в конкретных делах: религия рано или поздно должна быть уничтожена. Только отказ от этой установки может создать предпосылку для разумного выхода.

3. Лагеря

Лагеря не окружены сейчас такой тьмой полного незнания, как это было в сталинские времена. Благодаря усилиям нескольких мужественных людей, мир узнает кое-что о положении заключенных, о том, что это за люди, за что и как они осуждены. Но за редчайшими исключениями мы узнаем лишь о политических заключенных. Особое внимание к ним оправдано:

в большинстве случаев они осуждены за поступки, которые на Западе никому не пришло бы в голову считать преступными (например, те баптисты, о которых я говорил). Но несправедливо, чтобы их судьба полностью заслоняла судьбу их товарищей по несчастью, в общей массе которых они составляют едва ли один процент. Сосредоточив внимание лишь на одних политических заключенных, мы тем самым ослабляем и силу собственной позиции, даем возможность людям, подобным Ж.Медведеву, обыгрывая их малочисленность, убеждать Запад, что никакой проблемы вообще нет. В то время как судьба всех заключенных — это неоспоримая и острая общенациональная проблема.

Сколько всего заключенных в нашей стране? Статистические данные отсутствуют полностью, но грубые подсчеты (основанные на делах, проходящих в нескольких судах) показывают, что цифры, которые назывались, — 1 млн., 1,5 млн. — вполне реальны, никак не завышены. И трудно себе представить, чтобы те нарушения законов, неоправданная суровость приговоров, жестокость лагерного режима, о которых мы знаем в связи с политическими заключенными, не касалась и этих миллионов. Ведь если все, что происходит с политическими, может стать широко известным, иногда даже и всему миру, то здесь этого сдерживающего фактора нет.

Что это за люди, наполняющие наши лагеря? По видимому, в подавляющей части — не закоренелые преступники, организованная преступность у нас почти полностью отсутствует. Очевидно, есть два источника, питающих это море. П е р в ы й — мелкие хищения. Та идеология, которая так долго поднимала на смех идею «священной и неприкосновенной» собственности — достигла цели. На собственность определенного, конкретного человека рука может и не подняться —

остановит жалость или совесть. Но никому конкретно не принадлежащая государственная собственность — она лишена и этой слабой защиты, она широко трактуется как ничья. В т о р о й источник — хулиганство. Оно произрастает на почве распада семьи (которая и должна «отмирать» по Энгельсу) и нашего страшного национального бедствия — неслыханного алкоголизма. Его же причина — пустота жизни, бедность духовных интересов, отсутствие радости, даваемой высокими целями, направляющими жизнь.

4. Эмиграция

Эта проблема занимает особое положение. Она, конечно, не затрагивает десятков миллионов, хотя, если судить по тому вниманию, которое она привлекает, по реакции мировой общественности и даже дипломатической активности, то ее можно было бы назвать первой и единственной проблемой нашей страны.

Каждый человек должен, конечно, иметь возможность покинуть страну, которую он не считает своим отечеством — сама страна заинтересована в том, чтобы не удерживать тех своих граждан, которые не связывают свою судьбу с ее судьбой. Поэтому проблема здесь есть, но в реакции на нее произошло искажение перспективы: ни для какой страны не может быть столь центральным вопрос — как из нее уехать. Основной вопрос — это как в ней жить.

Однако есть другой аспект проблемы эмиграции, который действительно может повлиять на все наше будущее, но он относится уже не к области права, а к сфере духовной жизни. Это — эмиграция культуры. То что за границей сейчас находятся лучшие представители нашей литературы, критики, музыки —

может быть признаком конца русской культуры, по крайней мере — русской культуры в России. Вопрос этот требует более детального рассмотрения. Изгнание Солженицына несомненно было тяжелым ударом по русской культуре. Но ведь его арестовали, посадили на самолет и вывезли за границу. А ни с кем другим ничего подобного не произошло. И поэт, писавший стихи о том, как он никогда не уедет, и мыслитель, создавший эссе о том, почему уезжать не надо — все они уехали добровольно. И если теперь одни говорят, что их выслали, другие — что почти выслали, третьи возмущаются тем, что их лишили гражданства, то значит и первые, и вторые, и третьи сами чувствуют, что поступили не так, как были должны.

Добровольно уехавшие деятели русской культуры просто не выдержали давления, которое десятилетиями выдерживали, например, миллионы верующих. Иными словами, у них не оказалось достаточных духовных ценностей, которые могли бы перевесить угрозу испытаний — конечно, тяжелых, но вполне доступных человеческим силам, как показали многочисленные примеры. А если так, то о каком же значительном их вкладе в культуру может идти речь? Люди, лишенные этих ценностей, не могут внести жизненно-го вклада в культуру, независимо от того, по какую сторону границы они находятся.

Это можно заметить и на многих конкретных примерах. Человек, например, способный написать: «Россия — Сука! Ты ответишь и за это» — был тысячу раз прав, уехав — и ему бессмысленно переносить неудобства ради этой страны, и ей он ничего дать не может.

Здесь проявляется характерная особенность нашей духовной жизни. Она требует преодоления больших трудностей, гораздо больших, чем на Западе. Но с другой стороны, этим же создается более глубокое отно-

шение к жизни. Чтобы сделать что-то действительно ценное (конечно, не в регламентированной государством сфере), как правило, приходится идти на риск — что уже гарантирует достаточно серьезное отношение к своему делу и к поискам истины.

Такое изменение духовной атмосферы сможет в будущем компенсировать потерю (конечно, прискорбную!) ряда талантливых людей.

Я привел несколько примеров таких вопросов, которые, как мне кажется, являются решающими и для настоящего, и для будущего нашей страны. Есть и другие, не менее острые. Во всех них проблема тех или иных конкретных аспектов человеческой свободы переплетается с вопросами духовной жизни: религиозными, национальными, моральными и интеллектуальными. Причем именно духовные вопросы лежат в основе. Этим я хотел иллюстрировать направленность Сборника, но также и подчеркнуть то, что он имеет смысл первого шага: что громадные, важнейшие сферы нашей жизни ждут изучения, осмысления, а в итоге — и изменения к лучшему.

ВОПРОСЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

*Не из грязи да в князи —
Русь свое обрела.
Я — Европа и Азия,
У меня — два крыла.*

Пять лет назад, в 1969 году, в Свердловске, в Уральском университете, состоялась Всесоюзная научная конференция на тему «В. И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)». Через три года, в 1972 году в Свердловске же, был издан сборник материалов этой конференции «Вопросы капиталистической России. Проблема многоукладности». В числе авторов — В. В. Адамов, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин* и другие известные специалисты по истории предреволюционной России.

Основная идея всех материалов сборника суть следующая: в конце XIX — начале XX вв. в России империалистической стадии капиталистического производства, именно как высшей стадии, в «чистом» виде, не существовало, а наряду с ним имели место различные уклады домонополистического капитализма: патриархальный уклад, феодально-крепостнический и др. В соответствии с этим, основываясь на трудах В. И. Ленина, авторы сборника предлагают пересмотреть некоторые концепции, доктрины и мнения, постепенно заменяя устаревшие доводы, неубедительные в свете современных исторических исследований, новой аргументацией.

* По-видимому, ошибка. Среди 25 авторов сборника Гиндина нет (см. «Библиографию изданий АН СССР. Ежегодник», М., 1972, т. 17, № 2935). — Ред.

Так, М. Я. Гефтер¹, давая оценку развитого капитализма в России, считает, что капиталистические элементы имели локальный характер, а преобладающим всероссийским в деревне был крепостной уклад, подчинивший себе и капиталистические элементы локального характера. В этом экономическом своеобразии России и коренится ее основное отличие от западных precedентов XVII—XIX вв. М. Я. Гефтер ставит проблему самобытного развития России, принципиально отличного от западных стран. Далее, оценивая развитие социалистических идей в России, он высказывает мнение, что теория и тактика большевистской партии исходила из учета самобытности России, и, значит, имеет она сугубо ограниченный характер.

В своем анализе кануна Октябрьской революции К. Н. Тарновский² считает, что никаких предпосылок чисто социалистической революции в России не было и не могло быть. Задачи буржуазно-демократической революции и социалистической сливались. И движущие силы октябрьского переворота были те же, что совершили революцию в феврале 1917 года, только большевики сумели сыграть на преходящих настроениях солдатских масс. В подобном же аспекте исследуется В. В. Адамовым³ оригинальный строй экономики Урала. По его мнению, горнорабочие Урала в начале XX века представляли собой не пролетариат, а сословие крепостнического уклада — сельскохозяйственных рабочих, и находились они под сильнейшим влиянием

¹ М. Гефтер: «Многоукладность — характеристика целого».

² К. Тарновский: «Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки».

³ В. Адамов: «Об оригинальном строе в некоторых особенностях развития горнозаводского хозяйства Урала во 2-ой половине XIX — начале XX вв. (По материалам Нижнетагильского округа)». Сноски 1, 2, 3. — Ред.

мелкобуржуазных партий. В целом судьба русского пролетариата неотделима от судьбы русского крестьянства.

В плане методологических установок и вопросов теории авторы сборника не находят целесообразным для России применение такой истматовской категории, как общественно-экономическая формация (М. Я. Гефтер). А В. В. Адамов пишет: «Следует, вероятно, подумать об отказе от термина промышленный переворот для 19-20 вв. Этот термин можно заменить более емким, скажем, «индустриализация» или «уровень цивилизованности». (Речь идет опять-таки о России.) Резюмируя вышесказанное, следует указать, что вопрос об империализме, как высшей стадии капитализма, авторы сборника рассматривают в плане многоукладности и считают монополистический капитализм одним из укладов в экономике России. Исходя из этого, они и Октябрьскую революцию оценивают не как революцию пролетарскую, а как движение всех трудящихся масс. В этом, по мнению В. В. Адамова, М. Я. Гефтера, К. Н. Тарновского, И. Ф. Гиндина, заключается специфика исторического развития России, в этом ее отличие от стран Запада, в этом ее самобытность.

Если с чем и можно не согласиться, то только с тем, что авторы рассматриваемого сборника, оставаясь на позициях сугубо марксистских, пытаются дать оценку фактам и событиям, никак не укладывающимся в рамки казенной идеологии. Отсюда и эклектика, недостойная чистых и искренних исследователей, но в их положении, очевидно, неизбежная. Но то, что честные марксисты заговорили о специфике России — уже значит многое.

Поэтому совершенно сенсационно было появление в областной газете Свердловска «Уральский рабочий» от 4 марта 1973 года статьи двух профессоров, Ф. Быст-

рых и В.Кривоногова, с претенциозным заголовком «За строгую научность и историческую правду». С точки зрения авторов статьи, ни о какой специфике истории России не может быть речи, никакой многоукладности не было. Был империализм, как последняя высшая стадия капитализма, как канун социалистической революции, а всё остальное — то ревизионизм, то от лукавого. Конечно, никаких контрдоводов эти два профессора привести не могут. Удивительно и то, что специалист по феодализму на Урале (проф. В. Кривоногов) и знаток истории парторганизаций Урала 20-х-30-х гг. (проф. Ф. Быстрых) взялись опровергать выводы по теме, столь далекой от их специализаций и спорить с людьми, большую часть жизни проведшими в архивах. Недостаточность их знаний сказывается в утверждениях, что «уважаемые профессора очень часто прибегают к жонглированию архиполемическими терминами и ходульными выражениями», как, например: «...Гефтер договорился до самобытного развития России...», «...авторы плавают по поверхности явлений...», но не надеясь даже на эти приемы, они в конце своей малопонятной (очевидно, в силу безграмотности) статьи обвиняют авторов сборника в антимарксизме, в распространении буржуазной идеологии, в том, что их напевы (?!) подхватывают за рубежом буржуазные фальсификаторы Октябрьской революции и используют их для подавления национально-освободительного движения.

Путем подтасовки, словесной эквилибристики и прямого паралогизма ученые профессора придали этому делу международный резонанс. Конечно, вся эта затея со статьей и предполагаемыми отсюда последствиями была инспирирована. Напечатали ее 4 марта, а 20-22 марта 1973 года в Москве, в ЦК КПСС, состоялось совещание историков.

К. Н. Тарновский, М. Я. Гефтер, В. В. Адамов,

И. Ф. Гиндин, А. Я. Аврех, П. Г. Галузо всячески поносились, оскорблялись, всячески дискредитировались собравшимися: Кимом, Минцем, Нарочницким, Жилиным, Трапезниковым, Поспеловым, Косульниковым*. С научной критикой их высказывания не имели ничего общего. Это была истерика. Гопом базарной торговли, схваченной за руку покупателями, историков школы нового направления в исторической науке обвинили в ревизионизме, национализме, игрании на руку буржуазной идеологии и антисоветчикам, в частности Солсбери.

Отчет об этом совещании сделал в конце марта 1973 года, в Свердловске, в доме политпросвещения, на так называемом городском семинаре историков зав. отделом науки и вузов Свердловского обкома Добрыдень. А через несколько дней партком Уральского университета завершил «идеологический разгром» В. В. Адамова, приняв знаменитое постановление «О некоторых ошибочных теоретических и методологических положениях сборника «Вопросы капиталистической России. Проблема многоукладности». Сборник был признан безусловно вредным, так как в нем «пересматривается ленинский анализ развития капитализма в России, содержатся грубые теоретические... извращения по вопросу об общественно-экономических формациях, стратегии и тактике большевистской партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». На этом же заседании партком обязал В. В. Адамова, как ответственного редактора сборника, написать покаянное письмо в редакцию

* Историки: Ким Максим Павлович, Минц Исаак Израилевич, Нарочницкий Алексей Леонтьевич, Жилин Павел Андреевич (ген.-лейт.), Трапезников Сергей Павлович (зав. отделом науки и учебн. зав. ЦК КПСС), Поспелов Петр Николаевич, Косульников Алексей Павлович (гл. ред. журн. «Вопросы истории КПСС»). — Ред.

«Уральского рабочего», как ответ на выступление газеты от 4 марта 1973 года.

В. В. Адамов действительно направил в редакцию письмо, где признавал наличие в сборнике «неточных и просто неряшливых формулировок».

В начале мая 1973 года на историческом факультете Уральского университета произошли выборы декана. Так называемые общественные организации поддержали кандидатуру секретаря университетского парткома В. И. Шихова. Новое руководство, освобождая В. В. Адамова от заведования кафедрой истории СССР, потребовало от ученого еще одного раскаяния и заверения об анафемствовании школы нового направления в исторической науке.

Основной контингент школы составляли историки из Института истории АН СССР (секция «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма») — К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин и др., и ученики В. В. Адамова, заведующего кафедрой истории СССР в Уральском университете, в Свердловске. Предполагалось также целесообразным провести в Свердловске научную конференцию по узловым проблемам всемирно-исторической роли рабочего класса в Октябрьской революции, на которую основной доклад обязали предоставить В. В. Адамова, дабы этим он искупил вину и возместил ущерб «авторитету Уральского университета и исторической общественности», который он нанес как редактор сборника «Вопросы капиталистической России».

Но дождался от ученого одного — ухода из университета.

А вскоре новый декан В. И. Шихов окончательно развеял на историческом факультете дух ревизионизма и национализма. Русская наука не раз переживала всякого рода потрясения, когда росчерком пера ликвидировались целые отрасли науки — генетика, киберне-

тика, педология, когда мракобесие и обскурантизм из сиюминутных политических соображений заставляли ученых заниматься схоластикой, болтовней и надувательством.

Сейчас указом или инструкцией науки не закроешь и не выносят уже на суд общественности проблемы развития биологии или лингвистики. Теперь решающую роль отводят голосам с места, а уж к ним прислушиваются наверху. И как не прислушиваться, если они и платят и заказывают музыку? Неужели бы посмели Ф. Быстрых, исключенный после XX съезда из КПСС, и переведенный в свое время с исторического отделения на архивное В. Кривоногов выступить со статьей явно сикофантского толка, если бы не знали, какая роль придается их выступлению? Глядя на новое направление в исторической науке под углом зрения сталинских традиций, они сознательно замазывают очевидные факты и основанные на объективных архивных исследованиях аргументы. Соорудив из самобытного развития России, из национализма жупел, современные обскуранты пугают им малосведущих людей, используют его для псевдоистинных объяснений неудач современного национально-освободительного прогресса, для дискредитации национального прогресса, для подведения «научной базы» под свои антиисторические концепции.

Такая «полемика» ни к чему хорошему не приведет. Свидетельство этому обвинения, предъявленные В. В. Адамову, К. Н. Тарновскому и их коллегам в том, что их труды использует буржуазная пропаганда. Как будто они должны отвечать за то, как их толкует Солсбери. Как будто, не будь их трудов, «буржуазные» идеологи ухватились бы за Минца или Жилина. Это старый-престарый прием в дискуссии: ставить в вину исследователю оценку его другими, и прием этот спекулятивный, недостойный, антинаучный.

Единственное, чему можно поучиться у жилиных, минцов, поспеловых и прочих, так это последовательности, с которой они периодически меняют свою «точку зрения», отстаивая в разное время диаметрально противоположные исторические концепции в зависимости от общих поветрий: сталинщина, ждановщина, ильичевщина. Но кому нужна такая наука? Кому нужны историки, говорящие вчера одно, сегодня — другое, бодро откликаясь при этом на всякого рода постановления. Уже давно стал притчей во языцех «принцип» советской исторической науки: как в ЦК аукнется, так в АН откликнется.

Нет! Нам не нужна такая наука. Нам нужны объективные исследования, нам необходимы истинно научные споры, нам нужна свобода мнений и дискуссий, а без всего этого историческая наука мертва. Мы приветствуем Владимира Васильевича Адамова, его коллег, всех, кому не безразличны исторические судьбы России, русского народа, и предлагаем продолжить разговор о специфике истории России. Этот разговор назрел, он необходим, избегать его, значит идти вперед спиной навстречу очевидному.

«RE PATRIA»

Появившийся в 1974 году в самиздате сборник писем, документов и других материалов, изданный гражданами немецкой национальности, получил выразительное название «Re Patria»*. Значительное количество документов, вошедших в сборник, уже получило широкое распространение в немецком самиздате, и они стали теперь достоянием более широких кругов. Кампания немцев СССР за возвращение в Германию вылилась ныне в широкое общественно-политическое мероприятие. Основные проблемы, возникающие в этой связи, сфокусировались в сборнике «Re Patria». И русские патриоты не могут не высказать свое отношение к тем процессам, что наблюдаются сейчас внутри немецкой нации.

Прежде всего следует сказать, что количество граждан немецкой нации, желающих возвратиться в Германию, необычайно велико. И мы склонны рассматривать это явление в аспекте права нации на самоопределение, права, закрепленного и гарантированного Конституцией СССР.

После депортации немцев из их Поволжской республики, они как нация потеряли свою территориальную общность, оказавшись рассеянными по Средней Азии, Северному Уралу, голодным степям Казахстана, Сибири. Утерев территориальную общность, немцы практически оказались под угрозой потерять родной язык. Вот почему нельзя не разделить тревогу сборника «Re Patria» по поводу того, что немецкая нация находится под угрозой ассимиляции. Правда, мы

* См. «Вольное слово», вып. 16, «Посев», 1975 г. — Ред.

склонны думать, что эта угроза во многом гиперболизирована. Но если граждане чувствуют себя чужими в СССР и желают выехать на немецкую землю, то это, разумеется, следует разрешить. И развитие чувства патриотизма нельзя запретить административным путем.

Среди множества фактов, служащих прямо или косвенно причиной репатриации немцев из СССР, мы находим такие, уже ставшие «хрестоматийными», как постепенное развитие национальных чувств, невозможность получить высшее образование, невозможность получить работу, прописку, сменить место жительства по личному желанию, третирование немецких национальных обычаев. Присмотревшись к этим явлениям, мы можем сказать, что в настоящее время они характерны для любой нации в СССР, будь то немцы, евреи, украинцы или русские. Правильно отмечают авторы сборника, что тяжестью для немцев СССР стало принужденное отношение населения к ним, как «к фашистам», как к тем, кто в 1941 году развязал мировую войну, хотя подобное отношение (а оно на самом деле имеет место!) — явное прегрешение перед исторической истиной. Но, конечно, широким массам СССР не до исторических экскурсов. И в этом мы склонны видеть тенденцию, господствующую в СССР, направленную на искоренение любых национальных проявлений. Эта тенденция исходит сверху и значит кому-то выгодно, чтобы население СССР не различало среди современных немцев потомков тех, кого зазывала в Россию Екатерина II, и тех, кто незванно нарушил границы Советского Союза.

Значительное внимание в сборнике уделено национальной дискриминации. Но неправомерно рассматривать ее в отрыве от общего потока нарушения гражданских прав в СССР. И если мы знаем, что из 38 школ в Киргизии с преподаванием немецкого языка

лишь в двух преподают немецкий язык, то здесь нельзя не вспомнить и об отказе баптистке Елизавете Классен пересылать ее мужу в тюрьму письма на немецком языке. И, конечно же, дело не в том, что в аппарате КГБ-МВД нет знающих немецкий язык, а в совершенно определенных садистских установках администрации, направленных против и немцев, и украинцев, и латышей, и русских также. Совершенно особое место в сборнике уделено советской бюрократии: конкретно — тем проволочкам, что терпят желающие выехать в Германию. Здесь и бесконечное число раз подачи заявлений на выезд, и обработка рассказными об ужасах жизни в ФРГ (абсолютно все немцы из СССР едут в ФРГ), и хамство чиновников, и перлюстрация писем. И, наконец, самая возмутительная форма преследования репатриантов — разбивание семей. Разбита семья Классенов, муж живет в Киргизии, жена с ребенком в ФРГ. Разбита семья Эльзы Михей (муж в ФРГ, жена — в Казахстане), или предпочтение в деле разрешения права на выезд пенсионерам (этим руководство СССР желает, очевидно, избавиться от лишних ртов).

Конечно, трактовка некоторых явлений, в том виде, в каком она получила место в сборнике, не может не вызвать возражений. Скажем одно, те трудности, что переживает немецкая нация как нация, те проблемы, что стоят перед ней, стоят и перед русскими патриотами, и перед украинцами, и евреями. И что меняет то, что на немецком языке нет немецких фильмов, а на украинском есть? Ведь национальное чувство не изменяется озвучиванием кинолент, а судить о нем мы можем по тем сотням тысяч членов Союза, что ставят основной своей задачей выезд из СССР в ФРГ.

Мы намеренно не касаемся вопросов участия немцев в борьбе за гласность, за гражданские права в СССР, ясно, что это заслуживает поддержки. И для нас,

русских, имена Виктора Клинка¹, Фридриха Шнарра² и многих других не менее дороги, чем имена наших соотечественников.

В целом, оценивая сборник «Re Patria», равно как и движение немцев за возвращение в Германию, следует указать на полную поддержку русских патриотов стремлениям граждан немецкой национальности.

Я вспоминаю свою беседу весной 1974 года с одним из известнейших советских инакомыслящих. Речь шла о процессах В. Клинка и Ф. Шнарра, издании сборника «Re Patria». В ответ на мою просьбу выступить в защиту В. Клинка и Ф. Шнарра он убеждал меня, что это бессмысленно, как и всё это немецкое национальное движение, ибо эти немцы не нужны никому и не могут заинтересовать даже правительство В.Брандта (в этом, будто, и есть их отличие от евреев). Отраднo видеть, что в последнее время среди русского инакомыслия наступает переоценка этого пессимистического отношения. И желание немцев вернуться в свои исконные земли встречает крепнущую поддержку и не может рассматриваться иначе, как одна из задач национального и демократического движения в нашей стране.

¹ Виктор Артурович Клинк, зубной техник, бывш. член КПСС, арестован 25.10.73, осужден Алма-Атинским облсудом 22.4.74 на 2 года лишения свободы. — Ред.

² Фридрих Давыдович Шнарр, шофер, осужден в г. Джамбуле не позже 7.6.74 на 2 года лишения свободы. — Ред.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ РУССКОГО ФОНДА

Уважаемый Владимир Николаевич!

Я постоянный читатель бывшего Вашего журнала; ознакомился я также и с первым номером журнала «Земля». Прямо скажем: техническая сторона этого дела желает быть улучшенной. Не думаю, чтобы Вы, столь болея о русской идее и постоянном русском издании, не позаботились бы и о лучшем оформлении журнала, и о большей его доступности, — очевидно, что тираж очень невелик. Остается вывести одно: нет средств. Есть и еще одно соображение, побуждающее меня высказаться о «низменных материях» — это необходимость религиозного просвещения в среде русских верующих. Я не считаю русского человека ленивым, как это принято обычно считать, и отношу наше невежество исключительно к причинам внешним: нет средств на приобретение книг, а нужные нам книги стоят денег, поскольку никто их не переиздавал более полувека. Вот мне и хотелось бы предложить Вам взять на себя инициативу как по созданию Русского фонда, так и по собиранию книг для нужной всем нам библиотеки. Я бы с радостью предложил Вам свои услуги, но, думаю, что я уже стар для этого да и слаб глазами. Вот я слышал, что супруга академика Сахарова организовала фонд во Франции для помощи политзаключенным. Конечно, на Западе откликнутся на ее призыв и многие внесут свои пожертвования. Но нам, я думаю, можно бы обойтись и без Запада, ведь кто его знает, как они там на нас смотрят и что думают. Можно бы справиться и своими силами. У нас что смущает? Что и за доброе дело, того и гляди, приж-

мут к стенке, поэтому и сочувствующие стараются держаться в сторонке. Но ведь не Бог вещь какая проблема встретиться с Вами лично! Хотелось бы надеяться, что это мое письмо и послужит началом осуществления благородной идеи.

С любовью во Господе

Н. Н.

ИНДЕКС ИМЕН

- Аврех А. Я. 87
 Адамов В. В. 83-90
 Балахонов 24
 Балашов Г. 58-66
 Бисмарк 30
 Богатилов Д. И. 72
 Бородин Л. 51, 55
 Бражнин И. 69
 Брандт Вилли 94
 Буковский Владимир 24
 Булгаков Михаил 69
 Бутман 24
 Бушуев И. А. 72
 Быстрых Ф. 85-86, 89
 Василий, архиепископ
 Брюссельский и
 Бельгийский 9
 Ваталин В. 69
 Ворошилов Клим 66
 Галансков Юрий 46-57
 Галузо П. Г. 87
 Гефтер М. Я. 83-86
 Гиндин И. Ф. 83, 85, 87,
 88
 Гитлер 52
 Глазунов Илья 68
 Глеб Владимир Благо-
 верный князь 19
 Глезер А. 68
 Гоголь Н. В. 12
 Дажь Анатолий 69
 Деций, римск. имп. 76
 Диоклетиан, римск. имп.
 76
 Добрыдень 87
 Достоевский Ф. М. 5, 31
 Дудко о. Димитрий 7-11,
 44
 Екатерина II 92
 Жилин П. А. 87, 89
 Зеленин 68
 Игнатов А. Н. 72
 Каганович 66
 Ким М. П. 87
 Классен Елизавета 93
 Клинт Виктор 94
 Косульников А. П. 87
 Кржижановский Г. М.
 62-63
 Кривоногов В. 86, 89
 Кукрыниксы 69
 Курлянский В. И. 72
 Ламм Леонид 68
 Левитин-Краснов А. Э.
 43-44
 Ленин В. (Ульянов) 59-64,
 66, 83
 Логинов Р. 58
 Лозовский А. 60
 Лотрек (Тулуз-Лотрек)
 49-50
 Макаров А. И. 17
 Маркс Карл 59
 Маслов В. 16
 Машкова В. 12-15, 29-34,
 35-37

- Медведев Жорес 78
 Медведев Рой 74
 Минц И. И. 87, 89
 Михайлов М. П. 72
 Михей Эльза 93
 Молотов (Скрябин) 66
- Нарочницкий А. Л. 87
 Нерон 76
 Николай архиеп. Влади-
 мирский и Суздальский
 17, 19
- Осипов В. Н. 6, 25, 27-28
- Павленков 24
 Петров-Агатов 50
 Петров-Водкин 50
 Пимен Патриарх 19, 43
 Пименов 24
 Питирим архиеп. Воло-
 коламский 7
 Платонов Славик 51
 Пospelов П. Н. 87
 Пронюк Евгений 24
- Рабин Оскар 68, 70
 Ратмиров И. 16-20, 83-94
 Решетников 67
 Родионов В. С. 6, 25
 Рублев Андрей 16-17, 19,
 69
 Рушева Надежда 69
 Рыбальченко Н. 67
 Рытов 24
- Садо Михаил 50-51, 55
- Саймак Клиффорд 58
 Сахаров А. Д. 43
 Сахарова Е. Г. 95
 Светличный 24
 Смирнов Е. А. 72
 Солженицын А. И. 33, 73,
 80
 Солсбери 87, 89
 Сталин (Джугашвили) 66
 Столетов А. И. 19
- Тарновский К. Н. 83-86,
 88, 89
 Трапезников Сергей
 Павл. 87
- Фуров 17
 Фэйган Х. 65
- Хомяков А. С. 31-32
 Хрущев Н. С. 71
- Чаплин 71
 Чаплин Ник. 71
 Чердынцев Иван 51
 Черный Даниил 16, 19
- Шафаревич И. Р. 7-9,
 10-11, 73-81
 Шиманов Г. М. 38-42
 Шедуйкис Альвидас 55
 Шихов В. И. 88
 Шнарр Фридрих 94
- Эльская Надежда 68
 Энгельс Фридрих 58-59,
 79

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯ № 1	3
К земле! Обращение редакции журнала «Земля» (В. Н. Осипов, В. С. Родионов)	5
<i>К положению православной церкви</i>	
Письма И. Р. Шафаревича Открытое письмо архиепископу Волоколамскому Питириму	7
Открытое письмо архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию	10
В. Машкова. Стихотворение	12
Иг. Ратмиров. Реставрация или дискриминация?	16
Количество православных храмов в епархиаль- ных центрах на территории СССР	21
Как обнаружился закон	24
ЗЕМЛЯ № 2	25
Владимир Осипов. Пред Богом земли...	27
В. Машкова. Кто должен каяться?	29
В. Машкова. Стихи	35
Г. М. Шиманов. О равенстве и неравенстве в браке	38
Интервью А. Э. Левитина-Краснова редакции журнала «Земля»	43

Ко второй годовщине трагической смерти

Голос Юрия Галанскова. Письма из лагеря 46

Г. Балашов. О плюсах и минусах государственной собственности 58

К московской выставке неофициального искусства

А. К. Ответ Н. Рыбальченко 67

Юридическая справка 72

Игорь Шафаревич. О сборнике «Из-под глыб» 73

Иг. Ратмиров. Вопросы капиталистической России 82

Иг. Ратмиров. „RE PATRIA“ 91

Наша почта

Н. Н. О необходимости создания Русского фонда 95

Индекс имен 97

Самиздат * Избранное

Выпуск 1: «Хроника текущих событий» Вып. 21. — Меморандум Демократического движения Советского Союза Верховному совету СССР.

Выпуск 2: «Хроника текущих событий» Вып. 22. — В. Чалидзе «Ко мне пришел иностранец». — «Духовное прозрение» Льва Краснопевцева.

Выпуск 3: «Хроника текущих событий» Вып. 23. — Суд над Владимиром Буковским.

Выпуск 4: «Хроника текущих событий» Вып. 24. — «Хроника текущих событий» Вып. 25.

Выпуск 5: «Хроника текущих событий» Вып. 26. — «Сеятель» № 1. — «Сеятель» № 2.

Выпуск 6: «Хроника текущих событий» Вып. 27. — Россия и Церковь сегодня. — Церковь и власть. — Бюллетень № 6 и 7 Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР.

Выпуск 7: «Свободная мысль» Вып. 1. — Три листовки Гражданского комитета.

Выпуск 8: Р. И. Пименов
Один политический процесс

Выпуск 9-10: «Вече» № 5. — Феликс Карелин. По поводу письма о. Сергия Желудкова А. Солженицыну.

Выпуск 11: Документы по делу Леонида Плюща.

Выпуск 12: М. Я. Макаренко. Из моей жизни. Ответ провокаторам. Дополнение к касационной жалобе Верховному Суду РСФСР.

Выпуск 13: Свидетель по собственному делу и другие документы.

Выпуск 14-15: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974.

Выпуск 16: Ре ПАТРИА № 1. Сборник материалов, посвященных немцам Советского Союза.

Выпуск 17-18: Из журнала «Вече» №№ 7, 8, 9, 10.

Выпуск 19: Попытки заключенных в тюрьмах Грузии.

Единственный выпуск специальной Публицистической серии: Сергей Разумный — «Расстановка сил в КПСС» и другие статьи. — В. Никитин — Чехословацкая трагедия. — Валентин Комаров — «Сентябрь 1969 года».